АНДРЕЙ КЛИМНЮК

Мой Афган

ЗАПИСКИ ОКОПНОГО ОФИЦЕРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«… это не красивая легенда об «афганской» войне, а моя попытка рассказать о нас, простых ребятах, шагнувших слишком рано на порог мужской зрелости… Это книга о нас, о тех, благодаря которым, Советский Союз вынес десятилетнее испытание этой «необъявленной» войной, показав всему миру преданность идеалам и высочайший дух советского солдата». А. Климнюк

- Мой Афган
  - ○
  - ○
  - ○ Об авторе
  - ○ К читателю
  - ○ Глава 1. Офицеры
  - ○ Глава 2. Батальон офицерского резерва
  - ○ Глава 3. Ташкентская пересылка
  - ○ Глава 4. Кабул. Назначение
  - ○ Глава 5. Место службы – Руха (Панджшер)
  - ○ Глава 6. Сопровождение колон по Панджшеру. Мой первый выход. Боевые действия
  - ○ Глава 7. «Высота 2650.0»
  - ○ Глава 8. Саланг
  - ○ Глава 9. Посты боевого охранения
  - ○ Глава 10. Афганские радости
  - ○ Глава 11. Курьезы войны (Панджшер)
  - ○ Глава 12. Прощай Панджшер!
  - ○ Глава 13. Джаббаль-Ус-Сиранж, «Зеленая» зона города Чирикар, Гульбахор, Баграм
  - ○ Глава 14.«Чарикарская «зеленка»
  - ○ Глава 15. «Афганская любовь»
  - ○ Глава 16. Гепатит
  - ○ Глава 17. 27.04.88г. Комбат
  - ○ Глава 18. Стихи, песни
  - ○ Глава 19. «Груз 200»
  - ○ Глава 20. Подготовка к выводу войск
  - ○ Глава 21. Новый 1989 год
  - ○ Глава 22. Домой!
  - ○ Эпилог
    - ■
    - ■ Заключение

Мой Афган
Записки окопного офицера
Андрей Климнюк

© Андрей Климнюк, 2016
© Андрей Климнюк, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-2164-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОВОСИБИРСК 2014

Книга издана при поддержке ПРАВИТЕЛЬСТВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ и ДЕПАРТАМЕНТА КУЛЬТУРЫ МЭРИИ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА.

От души благодарю за помощь в создании книги:
В. ДЕРЖАВЦА
Б. МОСТОВОГО

А. ПЕЧЕНЕВСКОГО
О. СМЕТАНИНА
А. ОЛЕЙНИКОВА
В. КРЫЛОВА
С. ЛЮКШЕНКО

А. Климнюк

Об авторе

Андрей Климнюк – известный автор-исполнитель в жанре «русский шансон». На сегодняшний день вышло 26 сольных альбомов исполнителя на лучших рекорд-компаниях России и СНГ.

Родился в г. Минусинске (Красноярский край), школу окончил в Новосибирске. После окончания школы поступил Новосибирское Высшее военно- политическое училище, по специальности заместитель командира воздушно-десантной роты по политической части. По окончании училища был направлен для прохождения службы в ограниченный контингент советских войск в Афганистане, в должности заместителя командира разведроты. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, награжден орденом Красной звезды и медалью «За отвагу», так что автор знает о войне не понаслышке. Данная книга – проба пера в прозе, желание рассказать о реальных людях, событиях того времени. Описать увиденное на той войне глазами простого окопного офицера!

К читателю

Будучи в Афганистане, я делал время от времени записи всевозможных событий, происходивших в нашей жизни, в надежде, что когда-то эти записи увидят свет, найдут своего читателя.

Поверьте, это не красивая легенда об «афганской» войне, а моя попытка рассказать о нас, простых ребятах, шагнувших слишком рано на порог мужской зрелости. В этой книге я попытался поведать читателю об увиденном и пережитом мною, простым, доступным языком.

Рассказать какую видели войну мы – солдаты, сержанты, взводные и ротные, на чьи плечи легла тяжелая ноша этой войны. Это книга о нас, о тех, благодаря которым, Советский Союз вынес десятилетнее испытание этой «необъявленной» войной, показав всему миру преданность идеалам и высочайший дух советского солдата.

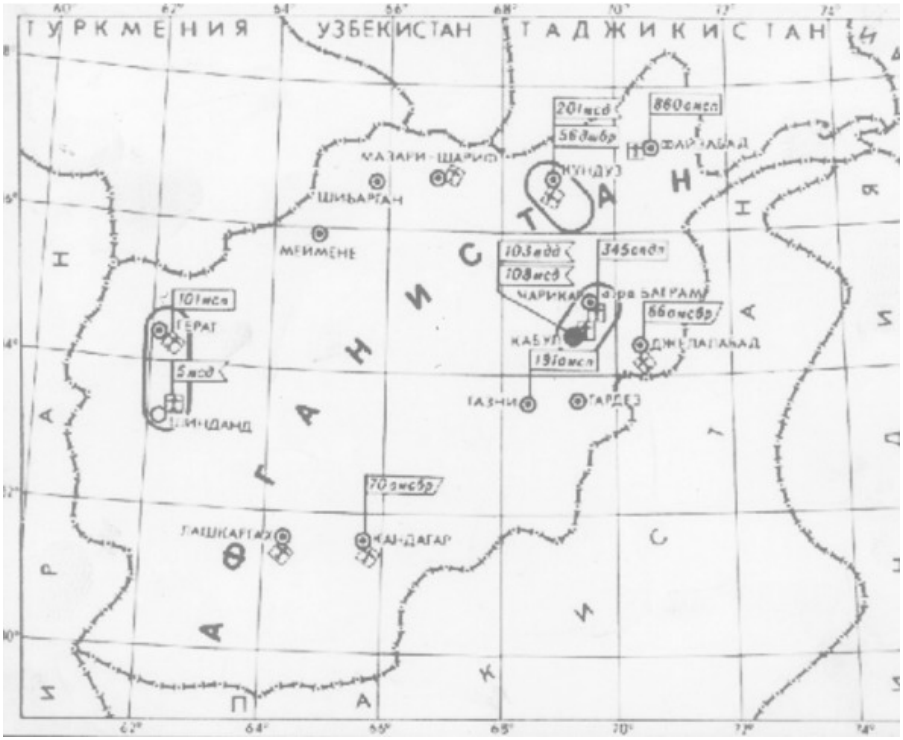
Несомненно, у нас разное понимание и видение Афганской войны, чем у Громова или Варенникова.

Эта книга для наших потомков, которые должны понимать, что сегодня, когда в государстве отсутствует всякая идеология, а идеалом стала нажива любым способом, любой ценой, эти поколения знали и помнили, что была такая непростая война, унесшая тысячи жизней. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПАВШИМ ТАМ НАШИМ РЕБЯТАМ!

Говоря кратко, эта книга о реальных событиях, происходивших на той, уже все больше уходящей от нас в глубину десятилетий войне!

Надели нашу память на штыки
Мы будем вечно помнить, как когда-то
На пулеметы шли не штрафники
А мирные и честные ребята…

ПАМЯТИ ПАВШИХ
ВО ИМЯ ЖИВЫХ,
РАДИ ПРАВДЫ!



Дислокация частей и соединений 40 армии

Глава 1. Офицеры

Но прошли эти годы,
И настало то время,
Лейтенантские звезды
На погонах взойдут,
И забьётся сердечко,
Когда новое племя
Совсем юных мальчишек
Лихо нам козырнут…

Всё позади. « Золотой», «куражный» лейтенантский отпуск. Нас ожидала служба, которая сулила каждому из нас разные возможности. Открывала, как нам тогда казалось, необозримые перспективы. В общем, все было как в одной из песен отряда специального назначения «Каскад»:

«Все собрали, уложили скромные пожитки, и получку получили, пропились до нитки.

Местных женщин, скромниц местных тихо отлюбили, погрузились, полетели и про них забыли!».

Из всего выпуска нашего военного училища 1986 года, 75 человек было направлено в распоряжение командующего Краснознамённого Туркестанского военного округа, который тогда считался воюющим округом, так как на протяжении семи лет полыхала Афганская война, как сказали бы нынешние «говорящие» головы – с оппозицией.

После Сибири, Ташкент поразил нас своим изобилием, уважительным отношением к военным – в общем, «хлебный» город! Соответственно, мы – молодые офицеры, уже успели отметиться во многих ресторанах Ташкента. Особенно полюбился нам «Заравшан». Частенько посиживали и в «Голубых куполах», за что имели неоднократные, нелицеприятные беседы с патрулем.

Помню, утром нас собрали в Политуправлении округа, где долго беседовали с нами о перспективах. Потом объявили, что согласно постановлению ЦК КПСС женатые офицеры, не имеющие квартир на территории Союза, в Афганистан не поедут, они остаются в Союзе. На их лицах читалась неподдельная радость. Поползли разговоры, что в этом 1986 году в Афгане ожидается большая замена. И разговоры эти были небеспочвенные. Именно в 1986 году отмечается резкая активация бандформирований моджахедов. Наша армия в этом году потеряла 216 человек только одного офицерского состава, не считая солдат, прапорщиков и др.

В 1986 году согласно статистике было сбито около 60 советских самолетов и вертолетов. Вот такая обстановка была в Афганистане на момент нашего пребытия в Ташкент для дальнейшего прохождения службы!

У многих, не желающих ехать, эти разговоры вызывали нервное напряжение. Где-то через сутки стали получать предписание: кому, куда и когда прибыть для дальнейшего прохождения службы. Кто-то остался секретарем комсомольской организации медицинского батальона где-то в Чарджоу. Кому-то повезло поменьше – они уехали замполитами рот охраны на военный аэродром в город Ханабад. Оказалось, что Туркво, это не только Афган, это ещё с десяток «тёплых» мест для службы. Нас, несколько десятков холостых офицеров, отправляют в Туркмению, город Геок- Тепе, в батальон офицерского резерва.

Соответственно, каждый из нас понимал, что рано или поздно нас отправят «за речку», поэтому еще находясь в Ташкенте, мы продолжили наши офицерские загулы в различных ресторанах, где перезнакомились с офицерами – «афганцами», которые поведали нам немало интересного об Афганской войне. Именно от них я впервые услышал ставшие потом привычными названия Панджшер, Джелалабад, Кандагар, Баграм и т. д. Мы смотрели на этих офицеров, как на богов, хотя многие из них были почти нашими сверстниками, но они были ТАМ! Если честно, нам хотелось быстрее «за речку» испытать себя, проявить. Возможно, это был юношеский максимализм, который наверное тоже был присущ тем юнкерам в 1917 году, которые помогали защищать Зимний дворец от пьяной, уделаной наркотиками «революционной» матросни.

Мы ещё общались по нормальному с теми нашими выпускниками, кто «отмазался» от поездки «за речку». Потом жизнь резко разделила наши судьбы и определила наши отношения на долгие годы.

Моджахеды *(араб.) – борец за веру, участник джихада, повстанец.*

«за речку» *(солдатский сленг) – в Афганистан*

Глава 2. Батальон офицерского резерва

Там за горизонтом, там – веселье,
Там шумит вечерний ресторан,
Здесь гуляет ветер по ущелью,
Здесь в ночной пыли – Афганистан.
Там за горизонтом солнце светит,
Там, где полседьмого на часах,
Здесь сбивает с ног афганский ветер, Здесь Афгана пыль скрипит в зубах.
Там бутылки с пивом открывают, Полные бокалы пьют до дна,
Здесь воды во фляге не хватает, А на пятерых она одна.

Прошла неделя, наконец-то конкретно определили кого куда. Нас человек 30 отправили, как и обещали в Политуправлении округа, в батальон офицерского резерва, под Ашхабад, в небольшой городок Геок-Тепе. Там нам сразу выдали «эксперементалку» («афганку»), тогда в Союзе она была большой редкостью, достать её было нереально, и мы гордо вышагивали в этой новенькой форме. Комбат, командиры батальона офицерского резерва – все прошли Афган, поэтому относились к нам без командирского фанатизма, в основном беседовали, рассказывали о разных ситуациях во время боевых действий, о том, как себя вести, как руководить личным составом и т. д.

Жизнь, есть жизнь. У некоторых, которые прибыли с нами в батальон и им, как и нам, лежал путь «за речку», вдруг начали всплывать какие-то с в я з и.

Батальон офицерского резерва 1986 г.

Некоторых перевели в резерв Политуправления округа, а один наш выпускник, не хочу называть его фамилии, чтобы не поехать в Афган, стал секретарем комсомольской организации батальона, которая вместе с бойцами роты обеспечения насчитывала не более 45 человек.

Мы же, простые пацаны рабочих окраин, зная, что для нас иной дороги кроме Афгана нет, проводили свои дни, а особенно вечера и ночи в Ашхабаде. За период пребывания в батальоне резерва посетили почти все приличные рестораны Ашхабада.

Все когда-то заканчивается. И вот в октябре 1986 года

начались движения. Начали по 3—5 человек из батальона резерва отправлять в Ташкент, но явно не за новым назначением в какую-нибудь группу войск, типа Германия, Венгрия и т. д. Мы очень тепло прощались, ведь у нас за плечами были четыре года учёбы в родном училище, при этом понимая, что война способна разлучить нас навсегда. Все мы уезжали на войну, наша лейтенантская юность ЗАКОНЧИЛАСЬ!

Прибыл в Ташкент, опять беседы в Политуправлении о значимости партийно- политической работы в условиях ведения боевых действий. В конце беседы всем выдали синие с л уже б н ы е п а с п о рт а д л я п е р е с еч е н и я государственной границы с Афганистаном, приказали к такому-то часу прибыть на ташкентскую пересылку для последующей отправки в Афганистан. Соответственно, выйдя из штаба округа и уже почувствовав себя почти людьми войны, по старой офицерской традиции скинулись и взяли где-то водки, закуски, примостились в каком-то сквере Ташкента и отметили начало нашей по-настоящему военной карьеры.

На этой фотографии ребята из батальона резерва офицерского состава провожают меня в Ташкент, в штаб округа.Каждый понимает, что следующей встречи может и не быть.

Что нас ожидало в Афгане?

Конечно, каждый мысленно задавал себе этот вопрос, каковы перспективы? Опять патруль, но увидев в наших руках синие

служебные паспорта, усталый майор, начальник патруля, махнул рукой и с болью в голосе тихо произнёс: «Ребята едут на войну».

Глава 3. Ташкентская пересылка

С Ташкентской пересылкою
С последнею бутылкою
Простились и айда!
Воздушным сообщением
В другие города.

Ташкентская пересылка – это что-то невообразимое, особенно для молодого лейтенанта, впервые попавшего сюда. Кажется, что жизнь здесь течет своим чередом, не подчиняясь никакому внутреннему распорядку и Уставу. С утра до вечера или ночи, гуляет от вольного до последнего рубля, в ожидании своего «борта» на Афган разный люд:

«заменщики», отпускники, командировочные. То тут, то там слышится смех, перебор гитары, рассказы, короче, всевозможные афганские байки. Мы, молодые, слушали этих видевших жизнь, опалённых войной людей, как завороженные. Помню, один подвыпивший прапорщик рассказывал про своё участие в одном из боёв. Это не могло не вызвать смеха у окружающих – речь его была такова. К тому же он сильно картавил:

«Падаю, стгеляю, кувыйкаюсь, стгеляю. Попадаю бородатому в голову, а он жив собака. Опять падаю, кувыткаюсь, стгеляю, наконец «завалил» суку!». Вот такой акробат, прапорщик, насколько я помню, из какого-то автомобильного батальона. Но больше всего мне запомнился очень колоритный майор с желтыми прокуренными усами и лицом, сплошь покрытым черными пороховыми точками. На все вопросы «где лучше, где хуже «за речкой» он отвечал поэтическими прибаутками. Например:

«Если хочешь жить как „туз“ – поезжай служить в Кундуз», «Если хочешь пулю в зад – поезжай в Джелалабад», «Если хочешь жить в пыли поезжай в Пули-Хумри». Ташкентская пересылка это кладезь анекдотов и рассказов.

Нам, лейтенантам после училища, всё, что здесь происходило – казалось хаосом. Как-то в этом хаосе нас нашли посыльные и сказали, что нам необходимо сделать какие-то прививки в медсанчасти. Нашли санчасть, нам поставили прививки под лопатку, не помню от чего, но от гепатита они меня «за речкой» не спасли, это точно.

«Борта» улетали на Афган с военного аэродрома «Тузелъ». Когда объявляли вылет, многие вмиг трезвели. Пересылка приходила в какое-то немыслимое движение. Сумки, чемоданы,

шинели, бушлаты – всё умело связывалось, и их хозяева ехали на погрузку в «Тузелъ».

Прибыли в «Тузелъ»: гул турбин, стоят легендарные ИЛ-76, с которых мы не раз десантировались на стажировках, будучи курсантами. Из-за гула турбин собеседника не слышно, кто-то показывает, что надо подойти к представителю таможни – он отмечает дату пересечения советской границы. Все на «борту» вроде расселись. Посредине стоят какие-то контейнеры, невозможно даже ноги вытянуть. Рядом со мной девушка, как и я впервые летевшая в Афганистан, в каком-то ситцевом летнем платьице. По самолету ходит усталый, слегка подвыпивший борттехник, помогает новичкам надевать парашюты и рассказывает, как с ними обращаться в случае чего. На нервные вопросы: «А что, могут сбить?», техник важно и задумчиво отвечает:

«Всякое бывало». Подходит к моей соседке:

«Ноги раздвинь», а она в ответ: «Не поняла?». Парашютная система проходит между ног, откуда этой девчушке (по-видимому, летевшей «за речку» работать либо продавщицей, либо официанткой в офицерской столовой) знать об этом. Из уст техника полетел забористый мат: «Ты здесь не одна, взлетать пора…». Короче, объяснили и одели парашют на девчушку. Ру ёж, взлёт, всё – прощай Союз! Многие начали засыпать, самые неугомонные допивали то, что не успели «добить» на пересылке. Я лечу, размышляю, что там ожидает – типично лейтенантские мыслишки.

Вдруг, вой сирены прерывает мои размышления и голосом типа Левитана по бортовому радио звучит: «Товарищи, пересекаем государственную границу Союза Советских Социалистических Республик». И где-то внутри себя я понял, что лейтенантская юность закончилась, что лечу я на реальную войну, а там, как говорится «Как карта ляжет!». И так, нас ожидал Кабул!

Глава 4. Кабул. Назначение

Шли по трапу, судьбе
и «заменщикам»
По упругому трапу, ступая
на твердь полосы,
Лейтенанты – мальчишки,
Майоры – папаши и женщины
У которых в Союзе долги,
Да при бабушке сын…

Раннее октябрьское утро, лёгкий кабульский холодок. Мы в Кабуле! Быстро и умело нас разместили в «модули», выдали талоны на питание. Так мы оказались на знаменитой кабульской пересылке. Делать нечего: ходили, знакомились, разговоры о доме, о назначениях и прочие. Вечер, отбой, легли спать, чемоданы рядом с кроватями. Из динамиков то и дело слышатся фамилии улетающих: кто в Баграм, кто в Кандагар и т. д.

Утром собрали нас всех прибывших политработников и привезли в политотдел 40-ой армии, который, как и штаб армии находился в легендарном дворце Амина (Тадж – Бек). Сколько легенд я слышал, будучи курсантом о его штурме. Завидовал этим мужчинам, тем, кто штурмовал дворец в декабре 1979 года, завидовал этим людям, практически творившим историю.

Внешний вид дворца ещё кое-где сохранил следы штурма. Следы осколков, пуль и снарядов не были замазаны или закрашены. Всё во дворце солидно: огромные массивные двери кабинетов, просторные коридоры. Мы даже ходили в туалет, как сказали нам местные офицеры, в нем до штурма была ванная комната жены Амина!

Модули *– сборное, каркасно-щитовое строение.*

Дворец Амина (Тадж-Бек), как сказали нам местные офицеры, в нем до штурма была ванная комната жены Амина!

Вот нас по одному вызывает к себе начальник отдела кадров политотдела армии подполковник Соснов. Он выпускник нашего училища, доброжелателен в общении. Захожу. Представился. Начинаем общаться.

Хочу реально воевать. Окончил десантную роту. Готов в любую часть ВДВ или спецназа.

Соснов в ответ мне по-отечески:

Запомни принцип любой войны: «Умный – наживётся, красивый – на… ся, дурак – навоюется». Тебе, как земляку, предлагаю место замполита роты охраны штаба армии. Всегда на виду, звание получишь во время, орденом тоже здесь не обойдут. В разговоре я продолжаю настаивать: «Только туда, где реально воюют», говорю, что я готовил себя к этому все четыре года обучения в училище.

Ответ Соснова: «Иди подумай».

Вызывает опять:

Что лейтенант, одумался?

Нет, настаиваю на своем.

Ладно, черт с тобой. Мест в ВДВ сейчас нет. Поедешь реально воевать, замкомандира разведывательной роты в Руху, в Панджшерское ущелье.

Выхожу из кабинета, у дверей «заменщики»:

Куда молодой?

Руха.

Ты что, даун? Там замполит разведроты три месяца ждёт

замены – нет желающих. Там в Рухе ежедневно один – два «200-х», подрывы, обстрелы ежедневно. Каждую колону «долбят» не глядя, как на полигоне».

Конечно, после таких разговоров что-то предательски учащённо застучало сердечко. Возвращаюсь в кабинет к Соснову:

Извини, вот старлей из Свердловска будет здесь в роте охраны, я ему уже предписание выдал. Хотел быть героем – будь им.

Вот так моя «афганская» судьба была решена. Мне предстояла нелёгкая, но интересная служба в легендарном Рухинском полку.

После назначения нас всех опять доставили на кабульскую пересылку. Почему-то постоянно хотелось есть, наверное, потому, что в местной столовой по выданным нам талонам кормили убого. Тянулись часы, наступил вечер, а потом и незаметно подкралась афганская ночь. Дремал на своей кровати, ждал, что вот-вот произнесут мою фамилию на вылет в Баграм, в штаб дивизии, в полк, в котором мне предстояло служить. В четвертом часу утра из динамика в «модуле» послышались фамилии: «прапорщик такой-то, капитан такой-то», – и, наконец, – «Лейтенант Климнюк – на вылет на Баграм». Темно. Состояние полудремотное. Руку оттягивает чемодан. Погрузились на «борт», опять парашюты, опять ночной, быстрый перелет до Баграма.

Приземлились, садимся на БТР (ы). Уже рассветает. Колонной двинулись в штаб дивизии. Прибыли в дивизию, всех разместили в гостиничном «модуле», сказав, что завтра утром пойдут «вертушки» на Панджшер, в Руху…. Переночевали под канонады наших «Градов», которые всю ночь «работали» по невидимым, известным только им целям.

В пятом часу подняли, привезли на «взлетку» в Багграме. Свист вертолетных лопастей, движение. Сели в «вертушку», одели парашюты. Я сел возле иллюминатора, рассвело.

Борт техник: «Ну что, покойнички, полетели!»

«Вертушка» нервно задрожала, поднялась в воздух и взяла курс на Панджшер.

Гляжу в иллюминатор – внизу все коричневое и тоненькой синенькой лентой петляет какая-то река. В голове мелькнула мысль: если собьет, какой смысл прыгать, кругом горы, все равно разобьешься о скальник, при любом раскладе. Начал дремать…

АФГАНИСТАН

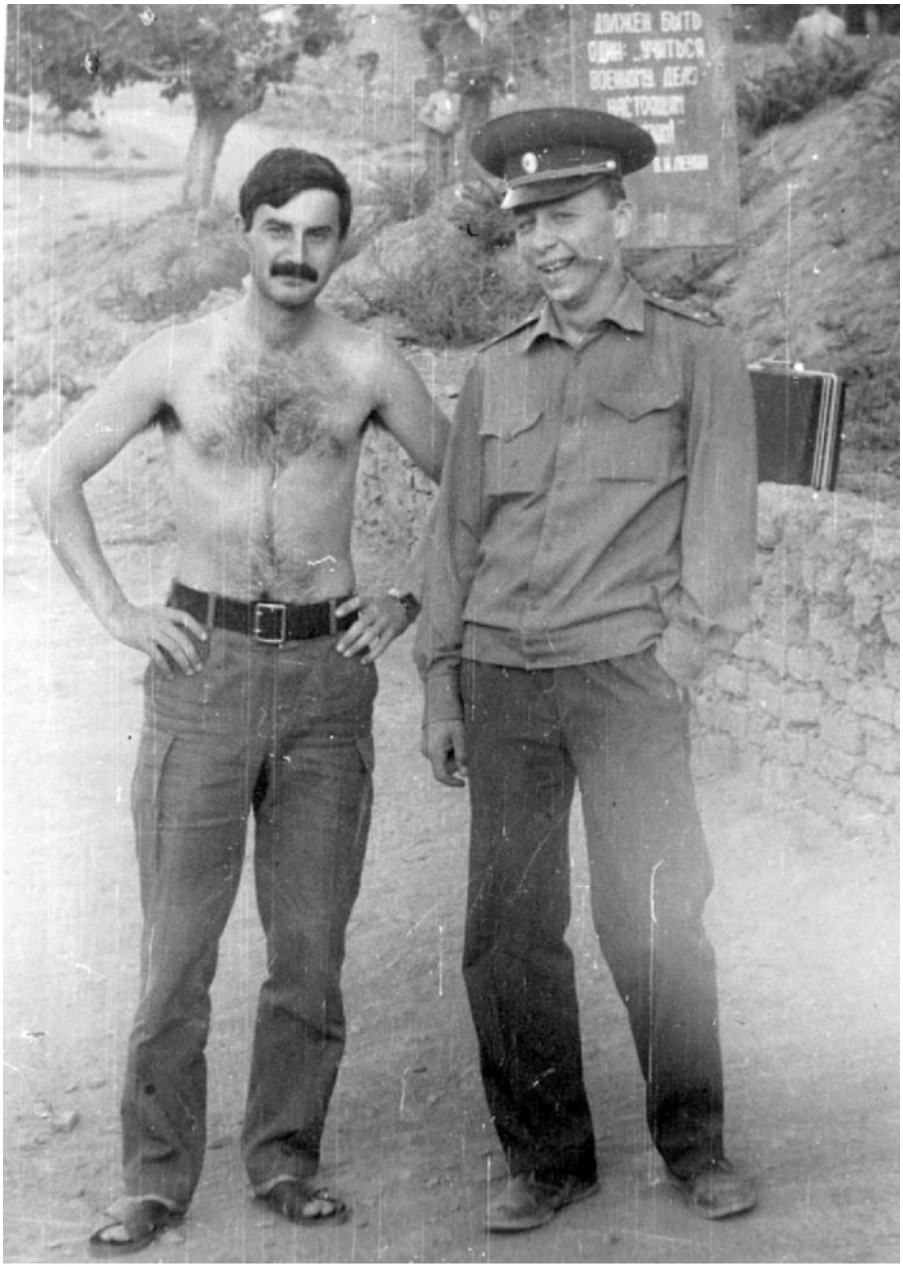
Глава 5. Место службы – Руха (Панджшер)

Наконец-то сели. Лопасти «вертушек» работают. Утро. Октябрь. Прохладно. Ветер рвёт неуместную здесь фуражку с моей головы.

Ко мне подбегают бойцы, хватают мой чемодан. Тут же подбегает «заменщик» Володя Липский – он ждал меня целых три месяца!

Не успеваю толком осмотреться, что из себя представляет этот полк. Нет казарм, не видно, как положено, плаца. Заходим в казарму – удивлён, ведь казарма под землей. Но в ней соблюдены все уставные положения, даже присутствовала ленинская комната. Знакомимся с ротным, командиром взвода. Ротный строит подразделение, представляет меня. Даёт старшине роты команду показать полк, в общем, рассказать что к чему. На всё про всё – трое суток. Располагаюсь. В роте традиция: все офицеры спят со своими подразделениями, а не в офицерской комнатёнке. Мне достаётся первый взвод. Старшина выдаёт кучу всего: от «экспериментальки», «горки», до бронежилета, каски и автомата. В общем, ощущение, что попал реально на войну у меня уже присутствует.

И так, постараюсь кратко рассказать, что представлял собой 682 МСП, он же знаменитый рухинский полк. Как я уже писал выше, единственная казарма (и та под землей) была расположением моей роты. Остальной полк жил в брошенных местными жителями и частично разрушенных домах, создав определенный уют, обшив глинобитные стены досками от снарядных ящиков. Плац представлял собой небольшую, более



Первые минуты пребывания в полку с «заменщиком» В. Липским

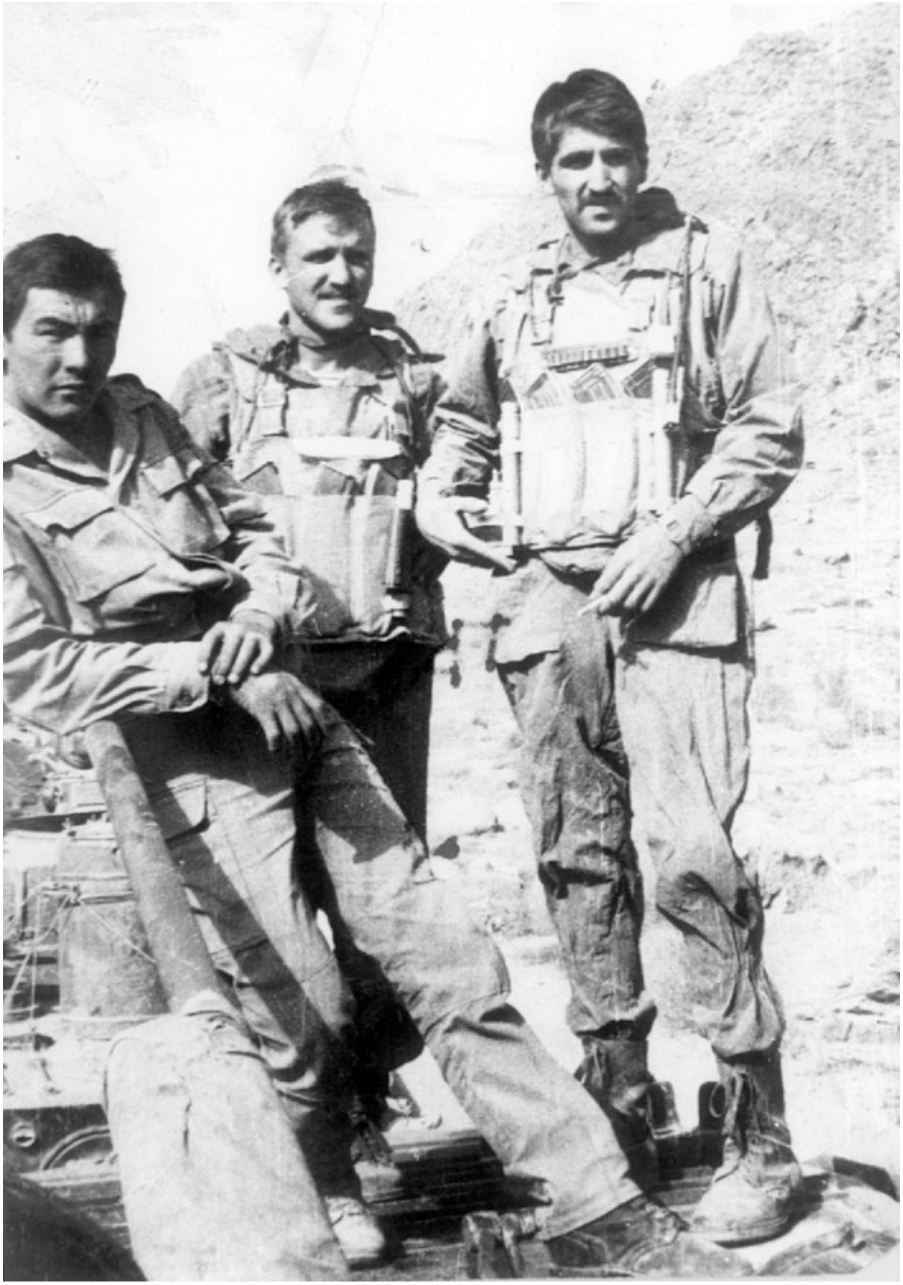
Один из первыз снимков в Рухе с офицерами части.Октябрь 1986 год.

Со старшиной своей роты. Руха (Панджшер) 1987 год.

Со командиром роты С. Пасичником. Руха (Панджшер) 1987 год.

С командиром взвода Муратовым. Руха (Панджшер) 1987 год.

Офицеры нашего полка на «боевых». Руха (Панджшер) 1987 год.



Офицеры нашего полка на «боевых». Кишлак Даштяк. Руха (Панджшер) 1987 год.

Командир взвода С. Хухарев, техник моей роты Е. Криженовский

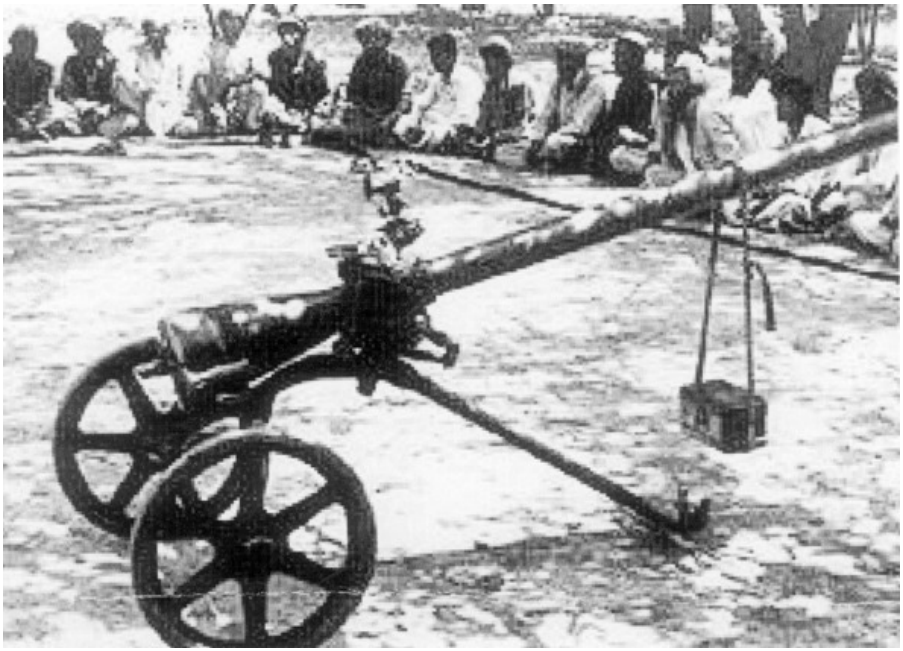
на проводке колонны по Панджшеру. Кишлак Даштак. Август 1987 года

– менее ровную площадку, с растущими посредине деревьями. И, конечно, с неизменными портретами Членов Политбюро ЦК КПСС. Кроме всего прочего присутствовала офицерская столовая для управления полка. Мы питались и мылись в своих подразделениях. Полк был расположен в низине: справа и слева горные массивы, ущелья, шумела бурная горная река Панджшер, посредине части пробегала горная речушка Пьявушт. Казалось, что жизнь здесь протекает достаточно спокойно: здесь не увидишь марширующих бойцов. Первое моё впечатление – какое-то сонное царство, но, как правило, первое впечатление всегда обманчиво. Практически через день – два полк подвергался обстрелу реактивными снарядами. В этом случае все разбегались по укрытиям, потом через определенное время жизнь опять «закипала».

Не скрою, что наш полчок был местом для ссылок всевозможных «залетчиков» разных категорий и рангов: от бойцов до командиров рот. Со мной служили и выпускники Рязанского училища ВДВ и Московского училища имени Верховного Совета, т.е. контингент части был не из простых.

Дальше Рухи полностью отсутствовали какие- либо советские подразделения, за нами стоял «надежный» заслон – 2-я пехотная дивизия афганской армии (так называемые

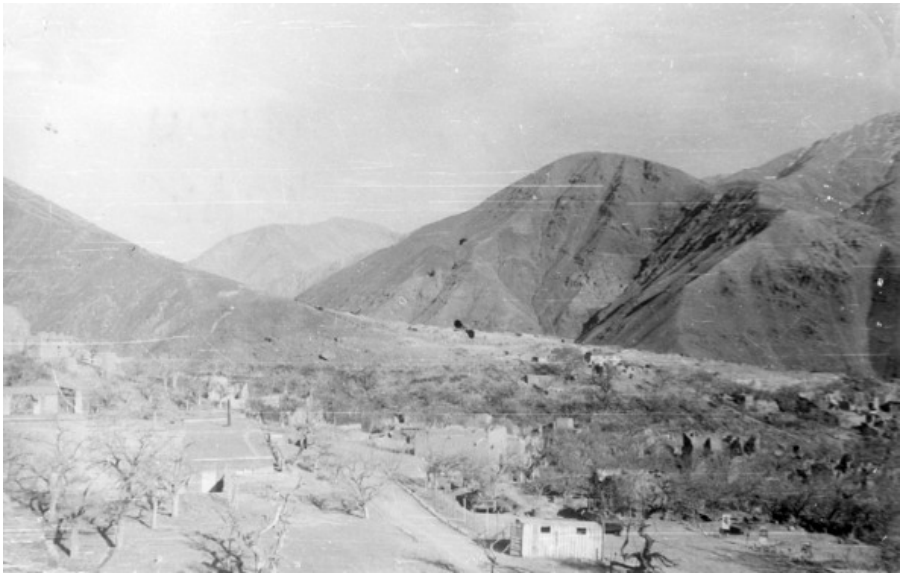
на нашем «афганском» жаргоне « зелёные»). Они базировались в родовом кишлаке «панджшерского льва» Ахмад Шаха Масуда, в Базараке.



Моджахеды полевого командира Ахмад Шаха Масуда при совершении намаза. Панджшер 1987 год.

Чтобы у читателя сложилась более ясная картина в каких условиях жил и выполнял, причем достойно, поставленные

задачи наш полк, вашему вниманию несколько фотографий.



Подземная казарма нашей роты, на крыше вытоптанная часовыми тропинка. Справа парк, капониры, со стоящими в них БТРами.

А сейчас дорогой читатель, совершим небольшую экскурсию в историю возникновения Рухинского полка. С 1981 по 1983 год в Рухе находился второй батальон спецназа ГРУ под командованием подполковника Керимбаева (легендарный керимбаевский батальон). Этот батальон, при поддержке естественно нашей авиации, практически вытеснил отряды Ахмад Шаха Масуда в дальние горные массивы Панджшера. На одном из концертов, кажется в Забайкалье, мне посчастливилось познакомиться с сержантом этого батальона. Он многое мне поведал о тех событиях, о том, что именно в Рухе была легендарная встреча Ахмад Шаха Масуда с представителями советского командования. О том, что бои происходили практически за каждый кишлак. В 1983 году батальон Керимбаева ушёл на место постоянной дислокации в Газни и до апреля 1984 года Руха пустовала. В апреле 1984 года из Баграма колонной в Руху прибыл на постоянную дислокацию наш полк. Это было очень тяжелое время для наших однополчан. В период с апреля по октябрь 1984 года полк понес самые большие потери в своей истории, потеряв только убитыми 254 человека. В ноябре 1985 года произошла ещё одна полковая трагедия. Из Хабаровска прибыл молодой комбат, получив приказ выдвинуться к вершине горного массива, он повел батальон в горы без тёплых вещей,

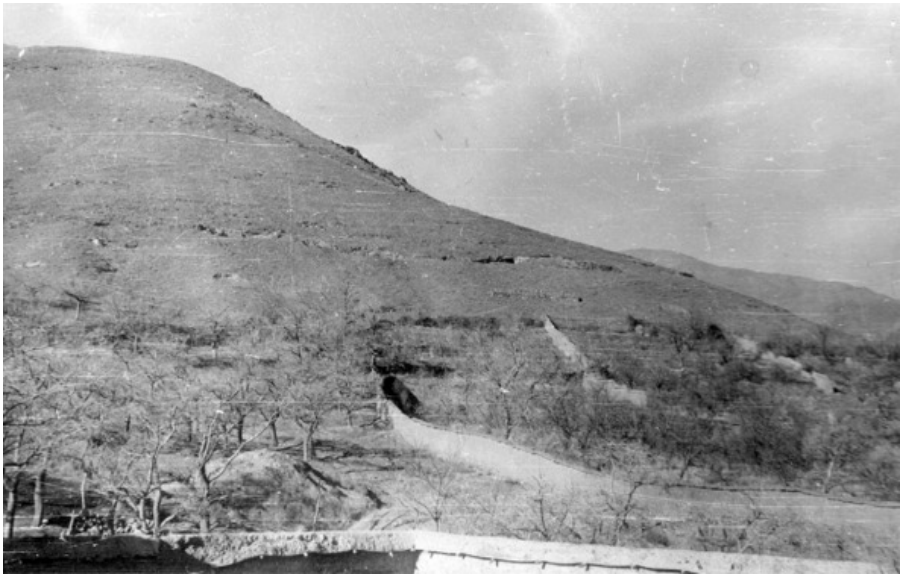
валенок и т. д. При подъеме выше пошел снег, затем началась метель, часть батальона начала подрываться на минах – карты минных полей просто не существовало. Мины ставили и наши, и «духи». На всевозможных тропинках и переходах.

«духи» *(солдатский сленг) – душманы (враги), члены бандитских вооруженных формирований*

Вид полка с более высокой точки.

Весь Панджшер разрезан всевозможными большими и малыми ущельями.

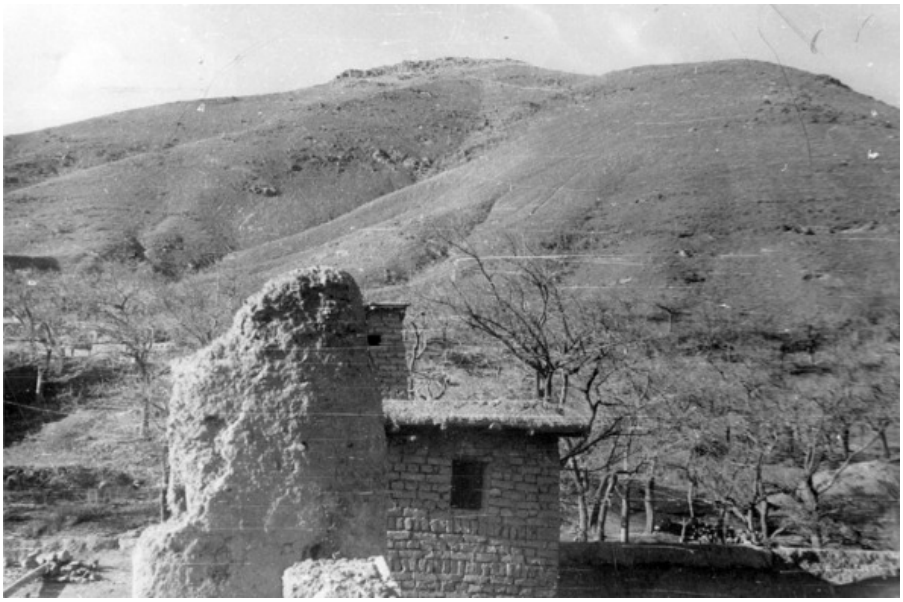
Вот в таких домах жили подразделения полка, создав максимально возможный уют.



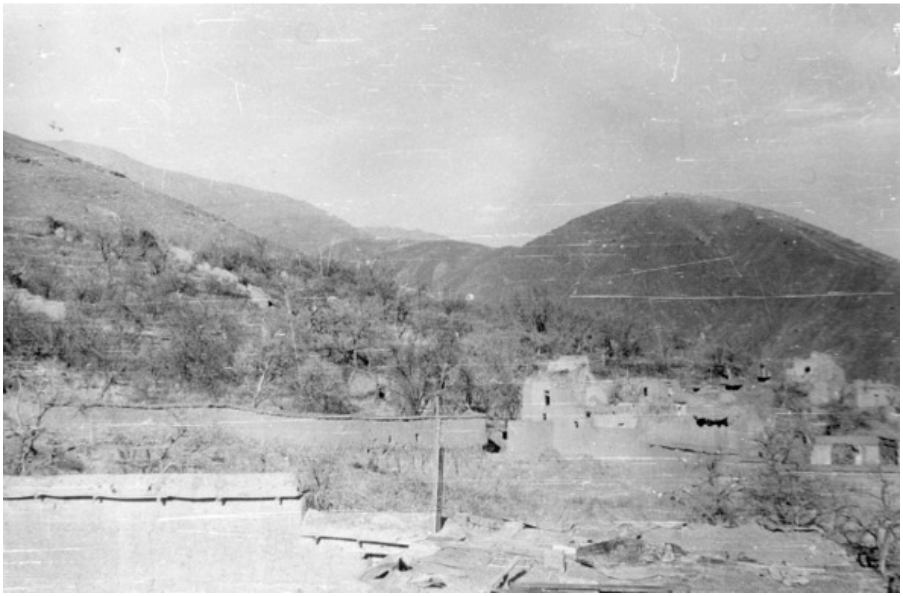
Это дувалы, которые до войны определяли территорию земельных угодий ушедших с Масудом жителей.

Некоторые кишлаки после бомбардировок были полностью уничтожены. Именно в этот период 1982—1984г.г. развернулась массовая операция за овладение нашими частями Панджшерским ущельем.

Еще один ракурс: перевалы покрытые снегом.



Разрушенные дома, последствия авиаударов нашей авиации в период 1982—1984 г.г.



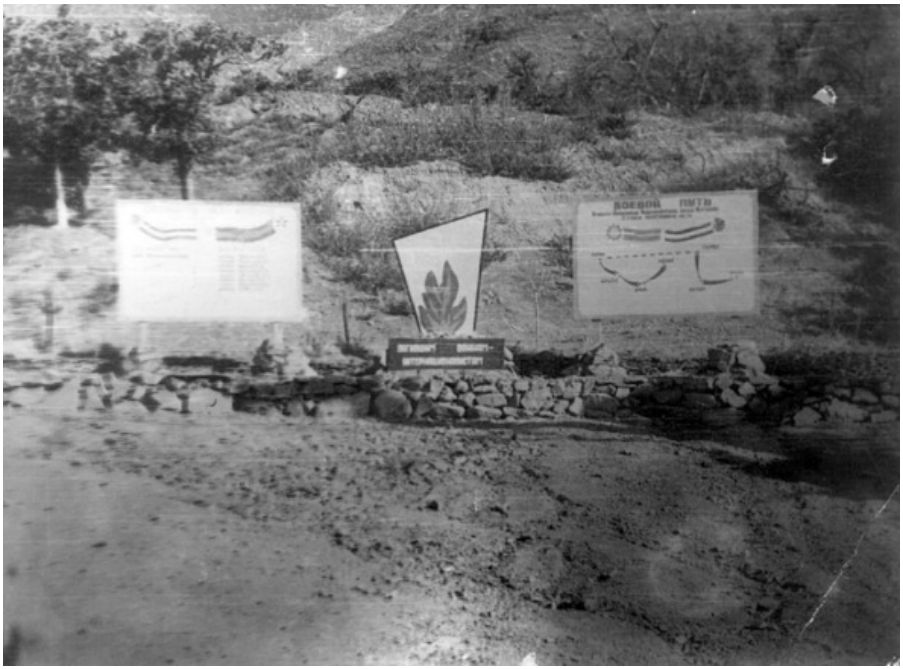
Люди Ахмад Шаха практически не сдавали без боя ни одного кишлака.

Разрушенные дома, последствия авиаударов нашей авиации в период 1982—1984 г.г.

Вот такие картины прошедших боев можно увидеть практически на каждом километре Панджшерского ущелья.

Какова же была мощность фугаса, чтобы башня танка отлетела на 30 метров в реку от дороги.

Знаменитые реактивные снаряды Китайского и Египетского производства, которыми регулярно обстреливали наш полк «духи». РСы захвачены во время операции в районе ущелья Хисарак в 1986 году.



Стенд нашего полка «Боевой путь части».

В том же году, если не ошибаюсь, полк провел крупномасштабную операцию с целью ещё дальше загнать моджахедов Ахмад Шаха в горные массивы на Пишгорский крест. Здесь, впервые наверное, в истории боевых действий, боевая техника шла по горным мелководным речкам, чтобы исключить случаи подрыва бронетехники.

Как я уже писал, я прибыл в полчок в октябре 1986 года. Мне крупно повезло, что таких сражений, как в 1981—1985 годах уже практически не происходило. Но полк жил в постоянном напряжении, любая проводка колоны по Панджшеру (скажу без ложной скромности), любой подъём на высокогорные посты боевого охранения с целью доставки продуктов, боеприпасов, воды – превращались здесь в ре а льные бо евые операции с огневым противодействием моджахедов. В общем и целом, несмотря на тяжелые бытовые и прочие условия, полк не просто выживал, а выполнял всевозможные возложенные на него боевые задачи.

Стихотворение с долей определённой иронии посвящено нашему полку. Каждая строка соответствует действительности жизни, нормам поведения в той Афганской войне!

Знают низы и знают верха,
Что непреступная крепость – Руха,

Любой, кто полезет к нам- будет разбит,
Душман, гепатит и энтероколит.

Но надо порядок запомнить такой,
Не пить никогда из посуды чужой.
С тропы не сходить, коль совсем не в терпеж,
Руками не брать, если что-то найдешь.

Коль пули, РС (ы) и мины свистят,
Уйми любопытство, здесь не детсад.
Героем посмертно стать не спеши,
Сначала все взвесь, а потом уж реши.

Раз в горы сходил, в грудь себя не стучи
И как воевать сразу всех не учи,
Учти, что и скромность не зря нам дана,
Не требуй нахально себе ордена.

Внимательным будь и смотри в оба глаза,
Не пуля тебя не возьмет, ни зараза,
Но, помни, что здесь на 2 года вперед,
Гарантий никто никому не дает.

Наш полк дал стране двух Героев Советского Союза: Гринчака и Шахворостова. И, поверьте мне, служа в Рухе, находясь вдалеке от цивилизации, от штабных всех мастей не так просто получить такую награду, тем более как уже писал выше, полк был «не на самом хорошем счету» в дивизии. И регулярно к нам отправляли на перевоспитание офицеров из других частей дивизии.

Вспомнил такой важный момент: отсутствие местных жителей исключало продажу и употребление наркотиков, чем были заражены многие части в Афгане. Ведь вся связь с внешним миром – это колонна или вертолёт. Колонны тщательно проверялись офицерами подразделений и особистом. Но зато вся дивизия знала, какого качества рухинский самогон! Ох, был хорош, чертяка!

Знамя нашего полка

Редкое событие нашего полка – построение на плацу

Полк жил, полк выполнял поставленные задачи. Случалось всякое. Как на любой войне были герои, были и так называемые «залетчики». Ведь даже повзрослев в бою, обретя мужество, боевой опыт, бойцы всё равно оставались 18—20 – летними хулиганистыми пацанами окраин. Гаупт- вахта естественно в Рухе отсутствовала, наряды особо никого не пугали. Каждое подразделение части имело свои методы воспитательной работы. У нас практиковался следующий: боец совершивший про ступок, одевал каску, бронежилет, брал лом и по приказу ротного или взводного долбил за расположением роты скальную породу. Цель – сделать траншею, лом отлетает от породы в руках где-то

на метр, а каждый удар в лучшем случае оставляет в камне лишь небольшой скол. Но самое страшное наказание для бойца было: не взять его на боевые, на сопровождение колоны и т. д. Никакой «дедовщины» у нас не было, было просто уважительно-заслуженно е отношение к старослужащим не только со стороны солдат, но и офицеров. Ведь эти, получившие в свои неполные 20 лет настоящий боевой опыт пацаны, всегда были первыми помощниками нам – офицерам. Я никогда не стеснялся советоваться со старослужащими в различных боевых ситуациях, а потом принимал решение.

Сейчас вспоминаю этих ребят только добрым словом. Мне, молодому лейтенанту, приехавшему на войну, они во многом помогали. Помогли моему становлению, как офицера!

Еще мы с ротным не допускали, чтобы бойцы роты уезжали на «дембель» без боевой награды.

Только что прибывшее в Панджшер молодое пополнение из «учебки»

Пусть «залетчик», главное – его поведение в бою, на операции. Порою до хрипоты спорили за того или иного воина с замполитом части. Особенно жесткие словестные перепалки были с п о л ко в ы м б е зд е л ь н и ком – с е к р е т а р ё м парторганизации части. Что-то я даже не припомню, чтобы он ходил в колонах, на сопровождение и т. д. Девиз таких партработников был таковым: «Всем озабочен, но ни за что не отвечаю», «Рот закрыл – рабочее место убрано».

Была в нашей роте добрая и довольно удачная

в воспитательных целях традиция – вручать оружие ушедших дембелей молодому пополнению. Вручая, повидавшие многое и многих автоматы молодым, всегда был краткий рассказ о прежнем хозяине. Например: «Этот автомат сержанта Череды, кавалера ордена „Красной Звезды“, будь достоин славы прежнего хозяина оружия…».

Хочется написать правдивую историю, без преувеличения. Любая война, любая сложная жизненная ситуация раскрывает сущность человека. Примеров тому не мало – ведь на любой войне, да и в нашей жизни, уживаются, идут параллельными курсами героизм и трусость, подлость и порядочность. Кто-то месяцами ждал своей заслуженной награды, а его наградной лист постоянно возвращали обратно, по причине имеющегося выговора по партийной линии. А прапорщик – начальник вещевого склада полка в день присвоения командиру части звания полковник, где-то достал для него в Афгане полковничью папаху. За что уехал в Союз, особо естественно это не афишируя, с медалью «За боевые заслуги». И таких примеров множество!

Вручение боевого оружия молодым.

Чистка оружия. Проводит и контролирует сержантский состав нашей роты. Панджшер, Руха, весна 1988г.

Кто реально воевал, те, несомненно, подтвердят каждое моё слово.

Просто обидно порою становится, Друг!
За тушенку награды дают,
А ведь вернувшись на матушку – Родину,
Эти «герои» про пули поют…

Да позволит мне читатель пофилософствовать на тему судьбы человека. Не знаю насколько и в кого я уверовал «за речкой», но понял, что каждому по этой жизни что-то отмерено, что-то кому-то дано, а у кого-то наоборот отобрано! Приведу вам ряд примеров о значении судьбы. Не сочтите меня каким-то мистиком – нет, я вполне реалист. Весна 1988 года. Группа «дембелей». Обнимания, прощания, фото на память. Мы, офицеры, естественно участвуем в этом мероприятии. Минут через 30 за дембелями прилетят из Баграма «вертушки» и начнется их путь домой. Свист, знакомый до боли – метрах

в пяти от бойцов разрывается реактивный снаряд. Все целы, ни одной царапины, а вот маленький кусок металла лишил жизни рядового Иванченко, попав ему прямо в висок. Что это? Предначертание свыше? Или другой пример. На кабульский аэродром прибывает борт из Союза. Люди выходят под теплое кабульское солнышко – вдруг обстрел аэродрома. «Духи» бьют «РСами». Только что прибывший капитан получает тяжелейшее ранение в спину и практически на этом заканчивается для него Афганская война.

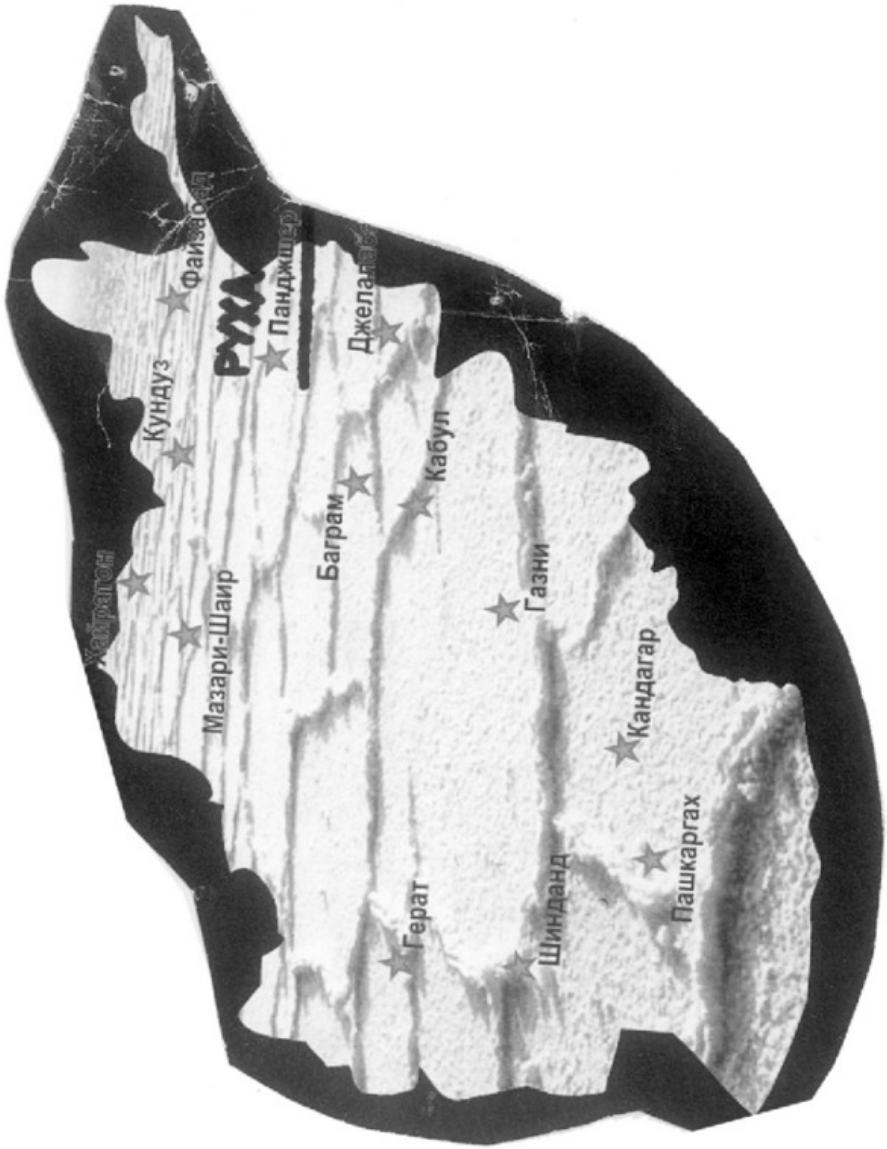
***РС** – реактивный снаряд*

Что это – загадка судьбы. Почему из всех прибывших осколки достались именно ему? Несколько офицеров полка поехали на БРДМ проверять своих подчиненных на блокпостах. Ничего не предвещало беды. Дорога по Панджшеру до боли знакома каждому. БРДМ набирает скорость. В это время отказывают тормоза и машина улетает с высоты порядка 10 метров в реку Панджшер, ударяясь при этом о прибрежные валуны. Никто после такого падения не выжил. Все травмы были несовместимы с жизнью.

Сидим с начфином части Олегом Шараевым, играем на солнышке в нарды. Вдруг свист (если свист слышишь, то «РС» или мина – не твои, так поговаривали «за речкой»). Недалеко от нас двое бойцов заняты чем-то своим, не помню точно, толи письма писали, толи читали. Снаряд разрывается в метре от них. Один, как ни в чем не бывало, ни царапины, другой сразу «200-й». Мы с начфином и бойцом бегом понесли тело в медсанчасть – может есть надежда? Но, увы..! Так что это – промысел Божий, судьба, предначертание? Как тут не вспомнишь поручика Вулича из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», глава «Фаталист».

AFGHANISTAN
1363-1365
PARVAN

Сергей Боровиков – наш механник-водитель. После вручения ему медали «За отвагу». Один из не многих, кому, пройдя сотни километров по Афгану, удалось вернуться домой. СУДЬБА!



Я увидел войну, но не в поднятой взрывами пыли,
И не в трассах прорезавших черную ватную тьму,
Там, в Панджшере, к нам на борт убитых бойцов погрузили,
Вот тогда-то я в самую душу войне заглянул!
Здесь не каждый погибший в бою, попадает в герои
Даже если при жизни ты был и отчаян, и смел
Вот мальчишка, вскочив из окопа, сбит пулей шальною,

Он не то, чтоб «ура», даже «мама» – сказать не успел.

Глава 6. Сопровождение колон по Панджшеру. Мой первый выход. Боевые действия

Полк жил своей обычной жизнью. Любой вывод нашей полковой автоколонны из Панджшера превращался в реальную боевую операцию. Я нисколько не солгу – это подтвердит любой, кто участвовал в таковых действиях, что любой выход нашей колоны подвергался огневому воздействию «духов». А круче всего то, что по всему маршруту движения была развёрнута небывалая по масштабам минная война.

Впереди идут саперы со щупами и собаками и отряд сопровождения.

Поэтому кроме ПБО (постов боевого охранения), далее я их по «афганской» традиции буду называть заставы, стоящих на господствующих высотах Панджшера стационарно, выставлялись блоки из бронетехники в местах вероятного огневого воздействия моджахедов. Огромная роль принадлежала саперам. Низкий поклон этим парням. Скажу, что с 1984 по 1988 год наша саперная рота потеряла только погибшими 34 человека. Вы можете представить с какой скоростью двигалась колона, если расстояние до Гульбахара около 15—20 километров (т.е. выхода из ущелья) преодолевалась

за 6—8 часов? Нелегко приходилось водителям. Во- первых, по составу колона разномастна: тут и КАМАЗы, и УРАЛы с приваренными в кузове ЗСУ (очень эффективное оружие для борьбы с ведущими огневое воздействие с вершин «духами»), БМП, БТР и т. д. А идти в колонне, соблюдая дистанцию – тяжелый труд. При этом, порою, колея проходит в 1,5 – 2 метрах от пропасти высотой 10—15 метров.

Где-то через две недели моего пребывания в части, я впервые пошел в сопровождение и скажу честно – Панджшер покорил меня какой-то своей величавостью. Высокие горы, снег на вершинах, ревущий внизу горный, бурный Панджшер.

Практически на моей памяти не было ни одной проводки, которая прошла бы без какой-либо экстренной ситуации. То обстрел с ДШК, то подрыв на мине или фугасе.

***ЗСУ** – зенитная установка*
***ДШК** – крупнокалиберный пулемет*

Автоколонна нашего полка двигается по Панджшерскому ущелью

В декабре 1986 года на моих глазах погиб рядовой Тахиев в районе кишлакаПьявушт. «Духи» начали интенсивный обстрел колоны из ДШК. Все соответственно спешились с «брони», пытались выяснить откуда бьёт пулемет. А в солнечный день, в горной местности – это дело не простое. Боец залёг

в автомобильную колею, укрывшись за колесом КАМАЗа. Так вот одна из очередей из ДШК пробила два ската КАМАЗа и, практически, снесла голову Тахиеву.

В 1986 году, кажется в ноябре, выставляя БМП на блок, механик-водитель не рассчитал расстояние до обрыва и «броня» вместе с ним сорвалась в реку Панджшер. Бурная, горная, просто сумасшедшая река, как голодная волчица набросилась на свою

«добычу» и одним рывком проглотила и водителя и машину. Водителя так и не нашли. «Броню» никто и не пытался достать. Высота обрыва была порядка 15 метров.

Особо хочу рассказать о минной войне. Что только не придумывали «духи», при этом чаще всего применяя пластиковые мины итальянского производства. Поэтому из всех технических средств сапер обладал щупом и собачьим чутьём. Собакам надо отдать должное – они спасли много человеческих жизней. Активно моджахеды применяли фугасы, когда под «итальянкой» закапывали орудийную гильзу от того же САУ 155 мм, начиненную взрывчатым веществом. На моих глазах башню БМП после подрыва отбросило метров на 5, что уж тут говорить об экипаже машины.

Я на своем первом боевом выходе. Ноябрь 1986 года. Ущелье Панджшер.

Я на своем первом боевом выходе. Ноябрь 1986 года. Ущелье Панджшер.

Блок выставленный по маршруту движения колонны.

БМП становится на блок.

Был октябрь – словно лето, и небо бездонно, Эхо призрачно плыло средь горных теснин, Громыхали надсадно по камню колоны, Объезжая воронки обезвреженных мин…

Любое сопровождение колоны редко обходилось без обстрелов или подрывов. Так практически на моих глазах подорвалась на панджерской дороге «броня» зам. по тылу полка осенью 1986 года. Взрывом ему оторвало левую ногу практически по колено. Мы подбежали, уложили его на обочине, жгутом более – менее остановили кровотечение, обкололи промедолом, который был в каждой аптечке, как обезболивающее, но оказалось, что «зам.» – сердечник, сердце его остановилось.

В ноябре 1986 года мне довелось участвовать в операции по блокированию горы Альмаас, чтобы не допустить минированиям одахе дам и панджерской дороги. Здесь она была для нас по- настоящему – дорогой жизни!

Почему- то, когда пишу эти строки, вспомнился следующий случай. Зимой 1986 года, когда выставляли блоки напротив кишлака Гуват, подорвалась на «растяжке» умная собака саперной роты Нюшка, при этом её буквально искромсали осколки. Так же этой же гранатой, стоящей на этой «растяжке», был ранен её кинолог Серёга. Их связывала какая-то неземная, неподдающаяся человеческому пониманию, дружба. Я впервые увидел собачьи слёзы смешанные с кровью и болью. Как она лизала лежащего рядом Серёгу, как бы прося прощение за то, что не заметила,

не учуяла «растяжку». Серёга успокаивал её: «Терпи Нюша, сейчас „вертушка“ нас заберет».

БМП на блокировке выхода из ущелья ГУВАТ. Декабрь 1986 года. На горных хребтах уже лежит снег.

От взрыва оторвало даже многотонный минный трал.

Вот такое оно ущелье Панджшер! Колонна идет к выходу из Панджшера.

Представьте себе лежащие на обочине дороги собака и человек, оба в крови, лежат в ожидании вертолёта две родственные души и плачут, плачут по-взрослому.

Чтобы не говорили, рисуясь порою, что на войне человек привыкает к смерти – нет и ещё раз нет! Это может говорить только тот, кто видел смерть на экране. Любая, поверьте, любая смерть совсем лишена какой-либо эстетики. Я имею ввиду смерть на войне.

Декабрь 1987 года. Рядом с выходом из небольшого ущелья Пьявушт, практически рядом с Рухою стоит наш пост боевого охранения, позывного уже не помню, стоит прямо впритык к дороге, по которой двигается полковая колона к выходу из панджерского ущелья. Прошли саперы с собакой, прошло несколько единиц бронетехники, прошёл наш 495 БТР, ничего не предвещает беды. Вдруг мощный взрыв, поднялось огромное облако дорожной пыли. Остановили колонну. Что к чему? Кто? Оказалось, подорвался ГАЗ-66 минометной батареи, везший мины для минометов в кузове. Там же ехали четверо бойцов батареи. По всей видимости, подрыв был радиоуправляемый. В те годы это была большая редкость. На месте подрыва глубокая воронка, «шишарик» расколовшись надвое после подрыва, практически провалился в неё. Тела бойцов собирали с трудом в радиусе 10—15 метров от места взрыва. Скажу откровенно – картина была

ужасающей.

В феврале 1987 года на одном из сопровождений колоны, мы выставляли блок в районе знаменитой «петли» близ кишлака Тавах. Вроде саперы все проверили, начали удобнее ставить «броню» – подрыв. Хорошо, что мина и хорошо, что под правым колесом, а не под водителем.

Осень 1986 года. После проводки колонны из Гульбахара

в родной полк, в Руху. Вот так выглядел я. Далеко не Рэмбо, после 3-х месяцев службы «за речкой».

Рота идет шаг в шаг по горе Альмаас к ее вершине.

На снимке «Нюшка». Слева на корточках
ее друг и хозяин Серега. Панджшер. Зима 1986 года.

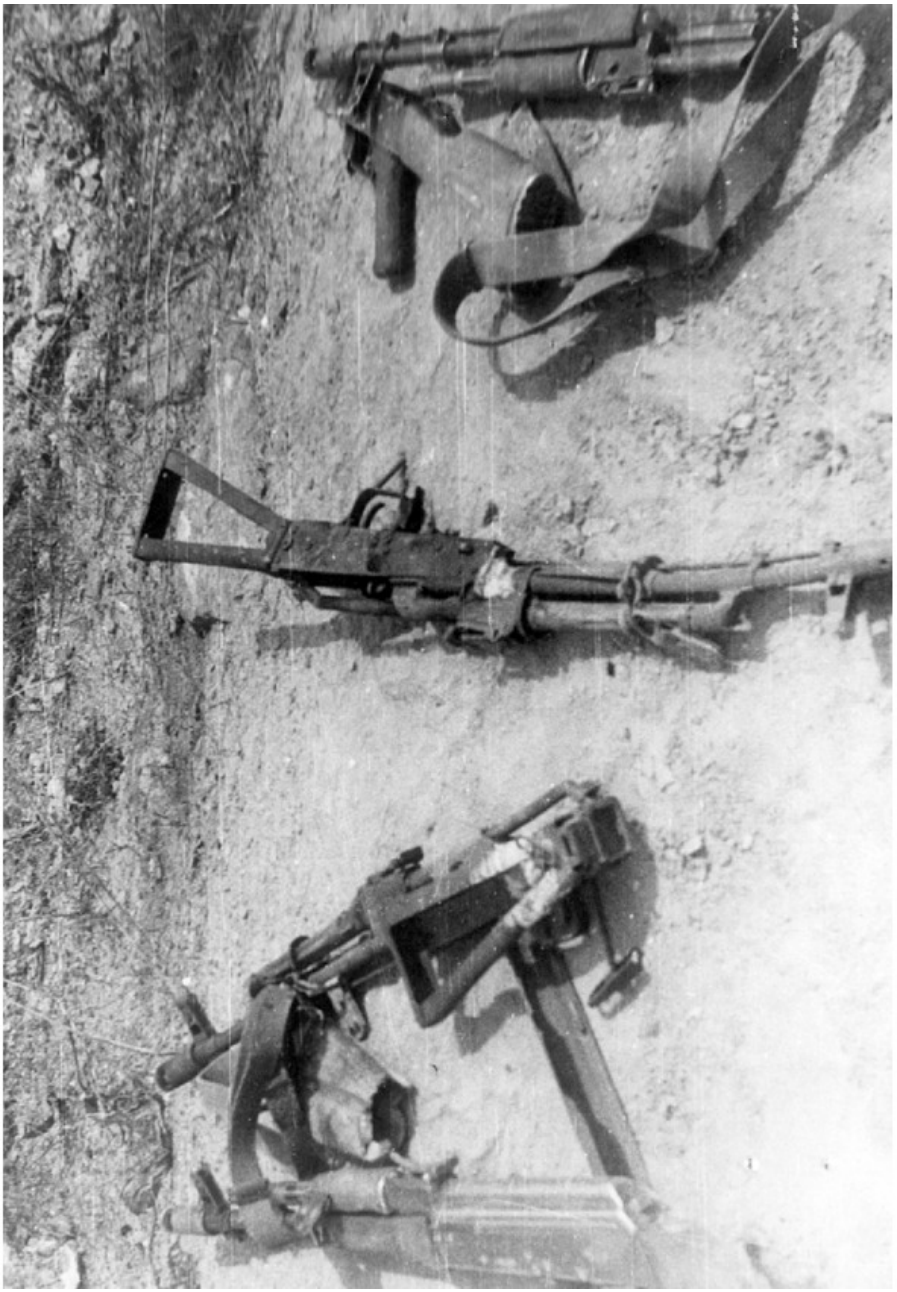
Меня, водителя прилично контузило – из ушей тонкими струйками текла кровь. А вот прапорщик – техник моей роты, пострадал посерьезней – от взрыва сорвало рацию Р-123 и прочие мелкие детали. И, поверьте, уникальный случай – вот этими болтами, гайками ему порвало ноздри. Заметьте, не в глаза, не в голову, а именно ноздри. Да, на войне чего только не бывает.

Следующий раз мне «посчастливилось» подорваться возле кишлака Баренхейль летом 1987 года, когда мы получили задание: при движении колоны не допустить её обстрела со стороны кишлака. В этом районе по разведданным были замечены небольшие группы моджахедов. Контузии получили и я,

и механик-водитель, и наводчик БМП. Нам опять повезло, что нарвались на «итальянку». Вырвало немного фальшборт, и «разулась» наша БМП. От госпитализации мы, конечно, отказались, были молоды, энергичны, жили понятиями, что это не к лицу нам, рухинцам, ведь ничего серьёзного – голова поболит, да пройдет!

Хотелось бы поделиться с читателем кое- к а к и м и с в о и м и с о о б р а ж е н и я м и н а профессиональную военную тему. Прежде всего то, что впервые я увидел и одел бронежилет только здесь «за речкой». Он мне, впрочем, как и многим бойцам, офицерам с непривычки показался довольно громоздким и неудобным, потому что за четыре года обучения в училище нам не то что их не разу одеть не дали, даже ни разу не показали. Но о том, что они применяются в Афгане, я впервые услышал от наших выпускников, приезжавших оттуда.

После подрыва ГАЗ-66 минометной батареей.



На месте трагедии.

Обелиск погибшим ребятам у минометной батареи. Руха, зима 1987 года.

Афганистан, естественно, стал полигоном для многих стран, которые испытывали новое, особенно стрелковое вооружение, всевозможные виды мин, вооружая всем этим «добром» моджахедов. Мы тоже постепенно (война учит б ы с т р о) н ач а л и из о б р е т а т ь к а к и е – т о приспособления для удобства ведения боя. Одна из таких, получившая бешенную популярность разработка – «лифчик» (на современном армейском языке – «разгрузка»). Война заставила тебя быть максимально вооружённым, лучше выбросить пару банок тушенки, но взять больше патронов и гранат. Практически каждый кроме патронов, что в магазинах к АК, брал с собой по карманам ещё патроны горстями, по принципу: «война, всё сгодится или всякое может случиться». Так вот «лифчики» («разгрузка») это ноу-хау афганской войны. Практически каждое подразделение шило их себе самостоятельно. Были умельцы, без проблем находился для них хороший прочный брезент. Только в Афгане я увидел, что можно использовать одновременно 2 магазина, перетянутых изолентой. Ещё при этом использовали магазины от РПК-74, так как там большее количество патронов.

Вспомнилось, что у меня был даже пакистанский «лифчик», отделанный кожаными пиковыми тузами. Подарили бойцы, говорили, что с мертвого «духа» сняли. Мол, теперь ему зачем, а Вам сгодится!

Чем ещё удивил Афган меня, молодого тогда лейтенанта, это наличием горно-стрелковой одежды, которую я до этого в глаза не видел.

«Горка» была очень популярна у нас в Рухе.

Место подрыва и наш БМП-2 возле кишлака Баренхейль. Лето 1987 года.

На проводке колоны по Панджшеру, зима 1987 года.

Перед выходом на «боевые». На мне так называемый «лифчик» (разгрузка). Март 1988 года, Панджшер.

Следующая волнующая тема – обувь. Практически летом – весной на все операции многие подразделения ходили в кроссовках – это зависело от командира. Естественно, наша разведрота носила их даже не только на выходы и т.д., но и по территории части, на что командование закрывало глаза.

И так, дорогой читатель, я вынес главный постулат войны: выдвигаясь на боевые – бери поменьше продуктов, а боеприпасов побольше. Лучше проголодаться, но остаться живым.

Глава 7. «Высота 2650.0»

Закрываю глаза,
Снова вижу тот бой
И Панджшера скалистые горы…

Декабрь 1987 года. В Панджшере уже лёг снег. Довольно симпатично и величественно смотрятся горы в этот период, хотя скажу честно, горы вообще не вызывали у меня каких-либо восторженных впечатлений, а после Афгана тем более! Итак, декабрь, наш полчок проводит рейдовую операцию в ущелье ГУВАТ. По разведданным там замечена приличная концентрация моджахедов, которые регулярно подвергали обстрелу наши колоны, а так же работающую по Панджшеру авиацию. И даже в конце ноября сбили наш МИ-8. Меня с 12 бойцами, с помощью МИ-8 (вот «красавец войны» – надежен) забрасывают на высоту 2650.0 с задачей уничтожить мятежников, в случае прорыва от преследующих их наших подразделений через нашу высоту с последующим выходом к соседнему ущелью Пьявушт. Обстановка следующая: позади нас крутой склон, но спуститься можно. Справа и слева каменистые обрывы. Впереди тропа, ведущая на нашу высоту от главной дороги в ущелье ГУВАТ.

Первая задача – окопаться, но как? Одна скальная порода! Собрали в округе все более-менее крупные камни, соорудили что-то наподобие укрытий и огневых точек. Опять наш русский авось: у нас ни одной мины, чтобы на всякий случай заминировать тропу и подступы к высоте. В километре от нас пост боевого охранения нашего полка. Я прикинул, если «заваруха» будет, по всей видимости вести нужно будет только ближний бой, и с поста вряд ли смогут нам чем-то помочь. Тишина, афганское небо кажется таким низким и звёздным, что хочется дотронуться до звёзд кончиками пальцев. Не знаю, что нам помогло – Господь или слух моего сержанта Сергейченко. Подходит он ко мне и говорит: «По тропе какое-то движение есть». Я тоже встал, прислушался, да нет, вроде ничего не слышно, но на всякий случай даю команду «поработать» в район тропы и по своим секторам. И тут началось: ночь от трассеров и вспышек превратилась в день. «Духи» открыли такой шквальный огонь, что порою не было возможности голову поднять. Первым был ранен в плечо наш снайпер Витя Игнатченко. Как назло пулей пробита радиостанция, нет связи ни с полком, ни с постом боевого охранения, но они сто процентов видят, что у нас происходит, наверняка в полк сообщат. А бой продолжается. Впечатление

такое, что перестрелка с «бородатыми» происходит на дистанции 50—70 метров. Про себя молюсь: «Хоть бы эти, как правило укуренные, «убитые» гашишем твари не пошли на нас в рукопашную». По всей видимости, силы слишком не равны, расклад не в нашу пользу. Услышал вскрик, кричу: «Что такое?». Ранило Мухамедшина в лицо. Не скрываю, все мысли, хоть бы не было рукопашной. Принимаю решение, даю команду: «Гранатами, огонь». Благо их было у нас в достатке, особенно Ф-1. Послышались стоны, крики со стороны «духов». Значит гранаты возымели своё действие. Постоянно в темноте окликаю бойцов. Все живы. Даже как смогли, успели перевязать раненых. Бой начал постепенно замолкать, всё реже « духи» «огрызались» огнём.

Панджшер, Руха декабрь 1987г. Первый снег. Через неделю после боя за высоту 2650.0.

Еле успеваем набивать магазины. Курить от волнения хочется ужасно. Слава Богу, начало светать. Мы видели как «духи» уносили несколько убитых и раненых. Подозвал раненых своих Игнатченко и Мухамедшина:

Как вы, бойцы?

Всё нормально, товарищ старший лейтенант. У Мухамедшина исключительный случай:

пуля пробила ему обе щеки, при этом не задев ни одного

зуба!

Рассвело. Минут через тридцать появились «Грачи» (СУ-25) и начали «утюжить» ущелье ГУВАТ. Через сутки «вертушками» нас сняли с высоты.

За бой на высоте 2650.0 нас всех представили к правительственным наградам.

Глава 8. Саланг

Мне не забыть той высоты, я знаю, И вихря страшных «духовских» атак, И лишь теперь с годами понимаю

Мы там познали кто есть друг, кто враг!

Крошился скальник от свинцовой бури, И мы не в силах головы поднять, А высоту «насиловали» пули,

Но нам-то надо «духам» отвечать.

И дали мы, для русских нет преграды, Смотрите, суки, – русских не сломить, И знайте, что не будет вам пощады, Вам эту высоту не покорить…

Мне по – своему повезло, моё подразделение иногда сопровождало колонну полка по знаменитому Салангу, что позволило мне посмотреть и иные места Афгана. Саланг мне довелось пересекать не однократно. И, несомненно, определенная доля везения присутствовала, потому что на перевале наша колонна ни разу не подвергалась обстрелам. А дорога у колонны ох, непроста. Вначале операция по выводу её из Панджшерского ущелья, потом Гульбахар. Начало Саланга – кишлак Таджикан (если мне не изменяет память) и через Саланг до Пули-Хумри. Вот такая дорога. Помню свою первую проводку колоны: едем на БТР, под задницей подушка. БТР катит почти бесшумно. В низине тепло, солнце пригревает, состояние сонливости. Поднимаемся уже повыше на перевал, неожиданно пошел мелкий, противный, моросящий дождь.

В самом начале перевала Саланг, где еще греет солнце.

«Горка» в момент становится влажной, бойцы подают из «брони» бушлат. Идём ещё выше – как в сказке – пошел снег, метель.

«Горка» и бушлат покрываются ледяной коркой. Короче, климатические условия на Саланге довольно не просты, как на любом перевале. Тяжело водителям, которые идут в колоне, соблюдать постоянно положенную дистанцию. На колеса, кстати, тоже афганское ноу-хау, одеты цепи. Потому что дорога покрывается тончайшим слоем льда и без цепей в такую погоду подниматься по перевалу Саланг тяжело, а порой и просто невозможно.

Подъезжаем к самому тоннелю (где в начале афганской войны задохнулся чуть ли не весь автобатальон – сломалась машина и никто не мог ни назад, ни вперёд, а двигатели естественно работали, тогда абсолютно никакого порядка пересечения Саланга не было). Стоят «комендачи», выдают приборы ДП-5 (дыхательный прибор, подобие респиратора). Въезжаем в тоннель, резь в глазах, весь тоннель какой-то жёлто-серый от выхлопных газов. Наконец выезжаем из тоннеля – как говорится «не надышишься». Вокруг свежий горный воздух, лежит снег на соседних вершинах, красота! В колоне всегда используется ещё одно афганское «ноу-хау»: в кузове КАМАЗа или Урала установлена ЗСУ, которая в случае обстрела колоны, может дать очень достойный ответ. После прохождения знаменитого

тоннеля спускаемся с перевала. Чем ближе к Пули-Хумри – тем теплее становится. Солнце делает своё дело, отогревает тело и «броню». Вот таким для меня было первое пересечение Саланга. Потом я ещё не раз ходил на сопровождение колон.

Движение на перевале Саланг.

Перед выводом войск, в декабре 1988 года, когда уже наш полк вышел из Панджшера и встал рядом с Салангом, в Джаббаль- Ус-Сиранже, меня с взводом отправили на одну из застав на Саланге на усиление. Об этом я напишу в одной из последних глав.

Афганистан, как любая война, показал, что легче и быстрее овладевают ситуацией бойцы, которые прошли школу двора. Так называемые в те далекие 70—80-е годы «трудные» подростки. Именно они свято чтили традиции дворов наших рабочих окраин: «сам погибай, а товарища выручай». Именно они обладали тем свойством, которое именуется «солдатской смекалкой». В памяти всплыл эпизод, когда наша колонна подверглась мощному обстрелу в районе ущелья Шува. Мы практически быстро вычислили огневые точки «духов» и начали их накрывать всеми видами вооружения. Особенно хороша была «Шилка». И вот в этой заварухе, один из наводчиков-операторов БМП-2 решил зачем-то вылезть из башни. Происходит невероятное: то ли виновата пуля, то ли стопор сломался, крышка люка падает ему на пальцы и практически отрубает два из них. Этот наводчик сам

перематывает бинтом себе левую кисть руки, ставит промедол и продолжает вести бой. Лишь после того, когда всё утихло, и «духов» либо «загасили» мы, либо они сами ушли, он обратился к нашему медику. Какова сила воли, каково мужество этого 20-летнего парня, выросшего, как и большинство ребят попавших в Афган на одной из рабочих окраин, кажется Красноярска, к сожалению, память не сохранила фамилию этого бойца.

За время пребывания в Рухе, мы – разведка, излазили все близлежащие ущелья, поэтому память отчётливо сохранила их названия.

Первал Саланг. Возле кишлака Душак. Весна 1987 года.

Декабрь 1987 года. Задача: разведроте обследовать вход в ущелье Хисарак. По разведданным там возможен выход моджахедов к основной дороге по Панджшеру с целью минирования и обстрела наших колонн. Зима. В горах холодновато. Идем со спальниками, с валенками (уже набрались опыта). Проходим буквально пару километров,

попадаем под «духовский» огонь. Ротный – молодец: вмиг сориентировался, хотя для нас появление «духов» было полной неожиданностью. Ротный дал команду рассредоточиться, оценил обстановку и дал целеуказания. Думаю, «духи» не ожидали от нас такой готовности. Практически через несколько минут мы подавили 3 огневые точки моджахедов. Не знаю, что сподвигло «духов», но они как-то незаметно для нас исчезли, прекратив огонь. Мы вышли на связь с полком, доложили. Нам приказали вернуться в расположение полка. Все знали, что вывод вскоре неизбежен и нести необоснованные потери – ни к чему! Весной 1988 года, практически за месяц до вывода части из Рухи, я с разведвзводом вышел на реализацию разведданных. Так это громко звучало. Обследовали кишлаки, находящиеся в 1—2 километрах от части и от панджшерской дороги. И вот, поверьте, элемент везения. В кишлаке Гуват, в одном полуразрушенном заброшенном доме, чисто случайно, мой боец Сенников обнаруживает небольшой склад оружия. Мы всё это забрали без всякого боестолкновения, без единого выстрела. Может этот схрон ещё остался с тех времен, когда в Панджшере шли крупномасштабные боевые действия 1982—1984 годов.

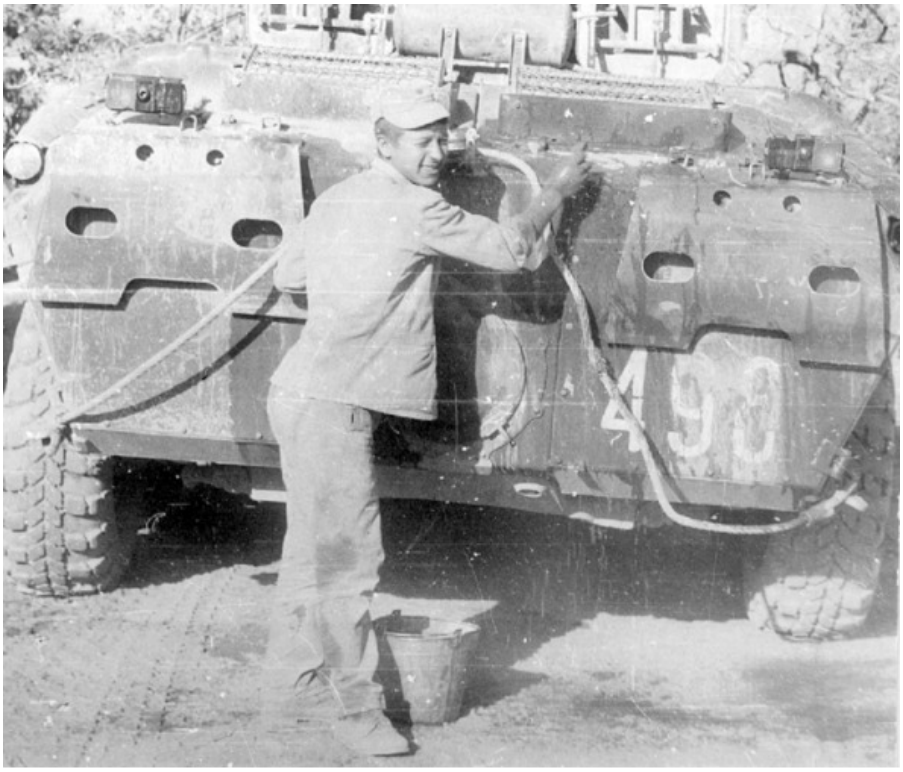
Вот что мы принесли в полк из кишлака ГУВАТ. Весна 1988 года.

Офицеры роты. Руха.

Бойцы готовят технику для сопровождения автоколонны

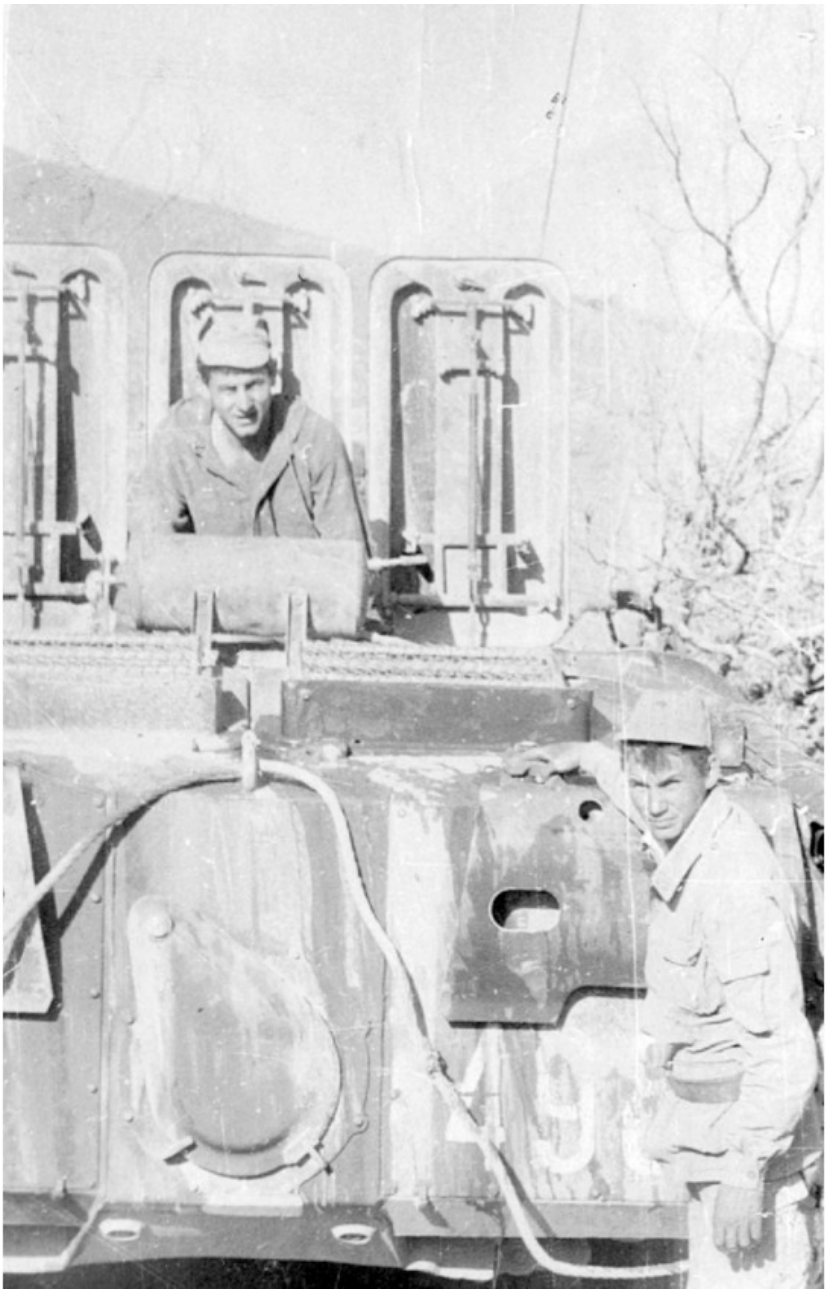
полка из Панлжшера, через Саланг до Пули-Хумри. Руха, весна 1988 года.

Бойцы готовят технику для сопровождения автоколонны полка из Панджшера, через Саланг до Пули-Хумри. Руха, весна 1988 года.



Сергей Бузняков. Водитель БТР №498. Руха.

Ваня Жупиков, мой земляк, один из лучших механиков-водителей БТР. Руха.



Еще один славный экипаж Табатадзе и Боровиков. «Все при деле».

Я с экипажем своего БТР. Саланг. Весна 1987 года.

Тем не менее, мелочь, а приятно.

Еще мы нашли кучу всевозможной литературы на арабском. Кораны, еще какие-то брошюры, даже антисоветские листовки, одну из них я взял на память.

Перевал Саланг. Осень 1988 года.

Вот на фотографии та самая листовка о которой я писал.

Глава 9. Посты боевого охранения

Нас в горах не найдет даже радиосвязь,
С безымянных высот лупят в нас, не таясь.

Если бы я в этой книге не уделил внимание постам боевого охранения нашего полка, которые располагались, как правило, на господствующих высотах Панджшерского ущелья, то представление об Афганской войне у читателя было бы неполным. И так. Высокогорные заставы (далее посты боевого охранения будем именовать, как мы называли их «за речкой» – заставами) занимали господствующие высоты вокруг Рухи (место дислокации нашего полка) и далее вдоль единственной дороги в ущельи. Задачей этих застав было не допустить обстрела, нападения, минирования по маршруту движения наших колон, а также в случае нападения или обстрела оказывать посильную огневую поддержку, давать целеуказания, так как они находились на господствующих высотах. Что же представляла собой застава? Это сделанные в скальной породе окопы в полный профиль, ходы, землянки на территории примерно не более 200 квадратных метров, вокруг обнесенной колючей проволокой. Естественно, все возможные подходы к заставам минировались, ставились «растяжки», «сигналки». От заставы к дороге, как правило, была одна тропа, по которой «караванами» осуществлялась доставка на посты боеприпасов, продуктов питания и т. д.

Многие из высокогорных постов не имели (в с и л у о с о бе н н о с т е й д а н н о й м е с т н о с т и) возможности принимать вертолёты. Поэтому с такими заставами работали только караванами. Я сам не раз участвовал в этом. Представьте: ты сам двигаешься весь гружёный: своим автоматом, боеприпасами и прочим и обязан ещё взять с собой для подъёма на заставу либо цинк патронов, либо несколько мин для миномета.

А порою подъём на некоторые посты боевого охранения длился по 5—6 часов. Шли нога в ногу, с тропы ни влево, ни вправо – не дай Бог мины, может «духовские», а может и свои. При этом в движении надо оценивать обстановку вокруг. Было несколько раз, когда мы, идущие «караваном», подвергались обстрелу моджахедов. Приходилось искать укрытия за всевозможными камнями, неровностями местности и отвечать «духам». Хорошо, если с поста быстро вычисляли огневые точки «духов». Ребята их тут же «гасили». Все сектора обстрела

на заставах были хорошо пристреляны. Иногда хорошо помогали «вертушки», если они участвовали в операции, ведь караваны шли не на один пост боевого охранения, а практически на все, кроме тех, куда могли добраться «вертушки». И, как правило, это была серьёзная полковая операция по обеспечению высокогорных застав. Вот поэтому излазивши, исходивши почти весь Панджшер, я не испытываю восхищения горной местностью, где бы я не был после войны, будь то Алтай или горы Киргизии.

Были посты боевого охранения, которым повезло и они разместились в крохотных горных кишлаках (2—3 строения, не более). Там более сносные бытовые условия – все – таки крыша над головой, укреплённые стены. Я не раз бывал на заставах нашего полка. Один раз руководил заставой в течение месяца – заболел гепатитом начальник заставы и отправили меня.

Один из постов боевого охранения в Панджшерском ущелье, позывной, кажется, «фреза». Вот на этой вершине располагалась застава. Подъем до нее занимал порядка 5 часов.

У нас в полку была постоянная нехватка офицерского состава – кто с гепатитом, кто с ранением, кто на реабилитацию после ранения, кто в отпуске, в командировке и т. д.

Что собой представляла застава? Как я уже писал ранее – окопы, ходы, пулемётные гнёзда, миномётная площадка. Спали в помещении, вырытом или выдолбленном в горной породе. В два яруса нары, сколоченные из досок от снарядных ящиков.

Единственный стол – на нем керосиновая лампа (это единственный вид освещения) и радиостанция. Была также столовая-блиндаж. Ели, как правило, в 2—3 смены, потому что помещение не могло вместить всех. Бойцы на небольшом пятачке умудрились соорудить спортивный городок из подручного материала. На заставе даже был щенок – овчарка, любимец всех бойцов. У меня была своя офицерская землянка, но если честно, то как-то жутковато спать одному, поэтому спал вместе с бойцами. Ночью регулярно с сержантами проверяли посты, причём делалось это всегда по серьёзному. Афган научил нас серьёзному отношению к службе. Было немало случаев, особенно в начале войны, когда сонная, напрочь, застава уничтожалась, порою, полностью. Я на самом деле, только здесь, в Афгане, заметил огромную разницу ребят «афганцев» со своими 18- 20-летними сверстниками в Союзе. Здесь, как бы отпечаталась на многих ответственность не только за свою, но и за другие жизни пацанов твоего п од р а зд е л е н и я. Ч а с ы зд е с ь н е з а м е т н о превращались в сутки, сутки в недели, месяцы и т. д. Поверьте, жили эти ребята в убогих и тяжелых условиях, но при этом не потеряв в себе человеческое.

Одна из застав в маленьком высокогорном кишлаке. Ни позывного ни названия кишлака память не сохранила.

Чаепитие. Кишлак Пьявушт. застава с позывным «шапка». Декабрь 1987 года.

Часть личного состава поста боевого охранения «Шапка». Панджшер 1987 год.

Так же, как и в части, мылись, наводили порядок в расположении, в столовой, отмечали праздники и дни

рождения, короче, оставались обычными людьми, которые просто и честно выполняли поставленные перед ними боевые задачи.

Когда я писал эти строки, невольно на ум пришла мысль, а ведь эти пацаны – скромные трудяги этой афганской войны, практически и не видели Афганистана. Ведь после «учебки» прибыли в полк, провели там не больше месяца, кому-то повезло – остался в части, а кто-то на заставы. Представьте: провести оставшиеся полтора года до дембеля на территории размером не более двухсот квадратных метров. При этом день похож на день, находиться в постоянном напряжении, в ожидании обстрела или атаки моджахедов на пост. Радость одна, как и во всём Афгане, когда «караваном» или «вертушкой» доставят письма. И радость вторая – это бесспорно писать на них ответные письма.

Я считаю, что те, кто провел свои годы на заставах Афгана, не менее герои, чем бойцы других подразделений, ведь у каждого были свои задачи. Я даже представить не могу, что было бы или во что превращался каждый выход рухинской колоны из Панджшера. Скольких бы мы потеряли, не будь этих простых, не кичливых солдат, которые несли службу на высокогорных заставах Панджшера.

Где-то вы любуетесь закатами,
Здесь, в горах Панджшера, на постах,
Сухари жуём с перловой кашею,
И порой до боли в животах.

Недалеко от заставы. Речка Пьявушт. Удачная рыбалка гранатами.

Все вооружение на постах всегда готово к применению. Легендарный АГС-17 «Пламя».

А. Климнюк, В. Баев (начальник поста боевого охранения), С. Колесников. Декабрь 1987 год.

В разрушенном кишлаке Пьявушт.

На 35 ПБО (Пост боевого охранения). Панджшер, декабрь 1987 года.

Кишлак Пьявушт, рядом одноименное ущелье и река с таким же названием.

Идет погрузка вертолета всем необходимым для доставки на высокогорные заставы. Руха, март 1988 года

Тоска-подружка, милая девчушка,

Пишу тебе письмо издалека,
А рядом мрачен, сер, ревёт, шумит Панджшер,
Есть тут такая горная река.

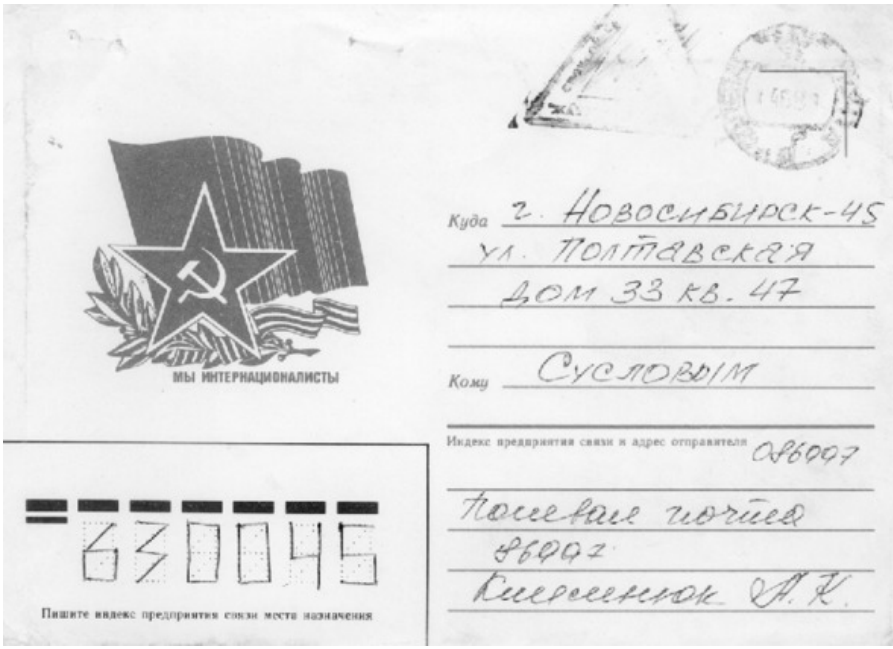
Особая роль в боевых действиях в Афганистане, конечно, принадлежит авиации, особенно вертолётчикам. Для многих эти мужественные ребята, работающие и помогающие нам в Панджшере, стали поистине ангелами- хранителями. Что они вытворяли в Панджшере, когда садились на пятачок земли, чтобы забрать раненых, чтобы доставить продукты и боеприпасы, почту на высокогорные заставы, зная что для «духов» «вертушка» очень лакомый кусок и в любую минуту, с любой точки скальника, начнёт по ним работать «духовский» ДШК.

С любимцем всех бойцов заставы.

Глава 10. Афганские радости

Как в свое время после посещения Афганистана, в одном из интервью А. Розембаум сказал: «В Афгане две радости – письма и баня». Это бесспорно так! В отношении бань в нашей части велось негласное соревнование: у кого пар лучше, у кого комната отдыха и т. д. Еще одной маленькой офицерской радостью был самогон, потому что у нас в Панджшере, в связи с отсутствием местного населения, а соответственно и дуканов, водку достать было практически невозможно. А отпускники, поверьте моему опыту, выпивали всё, что везли, ещё на ташкентской пересылке. Поэтому самогон тоже котировался, конечно, хороший самогон, так называемый «первак», его прекрасно гнал каптёр моей роты Серёга Юхневич, простой, добрый парень из белорусского села, а гнал он его из всего: из томатной пасты, из югославских конфет, которые продавались в полковом магазине. Конечно, ему равных не было и даже порою управление части, зная об этом, обращалось к нам с просьбой «достать» несколько бутылок этого напитка на какое-нибудь мероприятие.

В отношении бань, скажу следующее: конечно, никаких бассейнов там не было, но зато был хороший пар и ледяная вода из горных ручьев, что протекали в полку. Горбачёвская перестройка коснулась и наших бань, начали делать комнаты отдыха, где стены были почему-то обклеены японскими моделями в бикини, всевозможными эротическими календарями, которые продавались в каждом дукане.



Довольно приличная банька была в 7-ой горно- стрелковой роте, у них в комнате отдыха был даже кассетный (модный в то время) магнитофон «Sharp- 777», из которого звучали разные группы, исполнители того, перестроечного времени, привезенные отпускниками из Союза. Но самое святое, долгожданное – письма. Невозможно передать, что они значили для нас, эти весточки

с далекой Родины. Что такое письмо для нас, воевавших «за речкой» – это ладони матери ждущей и ежедневно молящейся за возвращение сына. Это письма девушки, с надеждой ждущей своего солдата и многое-многое другое. Письма, говоря коротко, здесь в Афгане, это волна всевозможных чисто человеческих эмоций, которые на войне обострены до предела. Наши письма домой были наполнены любовью к своим близким, ведь именно вдалеке ты познаёшь, как тебе поистине дорог этот человек. Конечно, лгали, что всё хорошо, стоит хорошая погода, что побывали в таком-то месте, городе, о своеобразности Афганистана. Случалось, порю и такое: пока письмо доходило до адресата, отправитель из Афгана летел вслед за ним «грузом 200». Сейчас пишу эти строки, а к горлу подкатывает ком, к сожалению, моей мамы нет уже в живых, но все письма, что я писал ей из Афганистана, она с материнской заботой сохранила, все до единого. Когда пишу эти строки, перечитываю свои письма и ощущаю на этой пожелтевшей от времени бумаги тепло материнских рук.

Дукан *– лавка, маленький магазин.*

Футбольный матч между командами 2-ой пехотной дивизии афганской армии

и нашим полком. Ноябрь 1987 года, Руха.

Общение с офицерами афганской дивизии. Ноябрь 1987 года.

Эксклюзивная фотография. Ансамбль «Каскад» выступает в Рухе, в Панджшерском ущелье. Март 1988 года.

Ещё для нас событием было любое мероприятие с личным составом 2-й пехотной дивизии «зелёных» (афганской армии). Ведь наш полк находился в Панджшере в полнейшей изоляции

от других частей дивизии, и здесь, как где- нибудь в Багграме или тем более в Кабуле, ты не мог прыгнув в «броню» сгонять к землякам, сокурсникам по училищу и т. п.

Один раз нам несказанно повезло. К нам в Панджшер рискнул прилететь ансамбль нашей дивизии, легендарный «КАСКАД» со своими, уже даже в то время, ставшими народными песнями и три часа радовал нас своим творчеством.

Вот такие маленькие радости, которые незаметны порою в буднях в Союзе, здесь «за речкой» были для нас событиями!

Глава 11. Курьезы войны (Панджшер)

Ни одна война, подчеркиваю – ни одна не обходилась без курьезов, ни одна часть не обходиться без своего «клоуна», «залетчика». Наш полк всем этим обладал в достатке.

Идет проводка колонны по Панджшеру, впереди саперы с собаками, носы собак постоянно забиваются пылью, остановка – промывают водой из фляг, следом идет отряд сопровождения движения.

И вот ситуация: саперы обнаружили фугас, решили его подорвать, звучит команда: «Отойти всем на безопасное расстояние». Наш полковой острослов-одессит, естественно картавящий, старший лейтенант Серега Чернигин, отходит на 10 метров, садится на корточки и, достав сгущенку из вещмешка, начинает ее поедать. Взрыв. Куча пыли, щебня летит в разные стороны. Крик Чернигина, поднимается с корточек, «горка» на ягодице потемнела, провел ладонью по ягодице – на ладони кровь. И вот его гениальные слова, только одессит мог выдать такое: «Ох ты, вот и ольден плилител…». Продолжая повествование о Сереге, то были еще эпизоды. Прилетел он как-то «вертушкой» из Баграма, заскочил к нам в разведроту, начал делиться багромскими новостями. Вот тут его понесло: «Командил полка залубил нагладной на олден, а ведь «За Отвагу» у меня есть, отплавил ещё на одну, приехал в Багламе к военным советникам, они выкатывают мне ведло «Наполеона». Мол, не ластлаивайся, Селёга, пей, только не услись! Представьте, приезжаю в Одессу, две медали «За Отвагу» – будут звать Серёга «Отважный».

Вот такие моменты порою позволяли забыть о негативах войны, расслабиться. Помню даже, был такой случай: темнеет рано, на КПП полка убого горит дежурная лампочка, частенько мигает, ведь весь свет в полку нам давал «дизель». И вот, четверо

«уделанных» в хлам «духов», заявляются на КПП Рухинского полка. Представьте лица с обеих сторон, нашего дежурного по КПП и обкуренных моджахедов. Все растерялись, лишь через 5—10 минут с КПП вызвали нашу разведроту. Мы прибежали, темень несусветная, ну «поработали» минут 20 в сторону вероятного отхода «духов», что толку, как в воду канули. Утром ходили, смотрели – никаких следов. Да и неудивительно, ведь любой овраг, любая горка им знакома с детства, одно слово – местные. Несомненно, кроме Серёги Чернигина, самой

колоритной фигурой был лейтенант «Верунчик», это прозвище дали ему в полку, потому что он всегда, при любой беседе говаривал: «В Союзе меня Верунчик ждёт!». «Верунчик, да «Верунчик» и время не сохранило его имя и фамилию, зато, даже сейчас улыбаюсь, когда пишу эти строки, вспоминая проделки 38-летнего «дикорастущего» лейтенанта «Верунчика», как сказал про него комполка: «Наш «Верунчик» прошёл славный боевой путь от лейтенанта до капитана и обратно». Теперь вам понятно, почему «Верунчика» загнали в Панджшер, а не в Кабул или Баграм. Чтобы не мозолил глаза, его отправили на один из высокогорных постов боевого охранения, кажется позывной «Шапка», не помню.

На посту регулярно варилась брага и лейтенант «Верунчик» практически всегда был навеселе.

Однажды устав от унылого однообразия постовой горной жизни, он съехал вниз на крышке от посылочного ящика по первому снегу на перевале. Спуск где-то около километра. Потом поднялся на заставу.

Как-то раз «Верунчик» «вертушкой» с заставы прилетел на несколько часов в полк, и надо же было такому случиться, что в Рухе были штабные из дивизии. А теперь представьте следующую картину: немолодой лейтенант с бородой, в панаме, обрезанной под бейсболку, в х/б брюках, обрезанных под шорты и в чем-то вроде сланцев на ногах, выпивши, прогуливается по полку и попадает на глаза штабным из дивизии. Я редко в жизни встречал такие удивленные лица. «Кто это?». Это был один из самых простых вопросов командиру нашего полка. Короче, не знаю, чем всё закончилось, но вертолёт унёс «Верунчика» обратно в горы на заставу, где ему предстояло ещё около года ждать замены.

Следующий эпизод, «Верунчик» вышел на связь с полком, жаловался, что застава ежедневно подвергается минометному обстрелу, место он засёк, но что ему делать. Комполка с разведвзводом отправил меня, слава Богу, пошли «вертушками», а не своим ходом. Задача: мол, узнай, что там у него происходит, прими решение, но чтобы заставу оставили в покое. Прилетели на пост, выгрузились, гостеприимный «Верунчик» тут же поднес кружку браги. Давай выяснять, откуда бьют, через час я владел ситуацией. В расщелине, в «мертвой» зоне, недоступной для наших огневых средств, «духи» поставили 82 мм миномёт и как бы забавлялись: выпустят 5—6 мин по посту и уходят. Какое решение?

Пойти взводом, уничтожить «духов», организовать засаду, а если они наш каждый шаг «пасут» и сами нарвемся. Всё, как всё

великое, получилось спонтанно и, естественно, не на трезвую голову. С «Верунчиком» принимаем решение: захватить миномёт, а проще украсть его у «духов», когда они отстреляются и уйдут. Вот что брага делает! Беру своего сержанта, спускаемся аккуратно, «Верунчик» с нами в теме, «духов» нет. Сняли минометную трубу, взяли с собой десяток мин, плита миномётная тяжелая, в гору поднять не реально. В общем, без всяких боевых действий «швыранули» моджахедов «на Ура!». Вечером того же дня, «духи» вышли на связь, причём говорили на плохом, но русском, короче – одни угрозы, мол не вернете миномёт – будем атаковать заставу. Но мы понимали, что это не реально. Сеанс радиосвязи окончился матом «Верунчика» в адрес моджахедов. Еще трое суток были со взводом на заставе, никаких движений со стороны «духов» не было. Запросили «вертушки» за нами. Прилетели со взводом и миномётной трубой в полк, доложили ротному, начальнику разведки полка, всё нормально, молодцы! Но тут вмешалась «тяжелая артиллерия». Замполит полка, парторг, короче, вместо награды – выговор. Зачем пошли, мало того, что сами пошли, ещё и бойцами рисковали. Но в части на какой-то период мы стали с «Верунчиком» знаменитыми.

Иногда мой покойный дед рассказывал мне про войну, там тоже было предостаточно моментов, которые не войдут никогда ни в один учебник по тактике или по боевому применению какого-либо вооружения, война – это на самом деле парадоксов друг!

Вот пример, кажется, где-то году в 1987. Замполит 7-ой роты с группой бойцов обходил территорию возле части и чисто случайно увидел и не поверил: метрах в двухстах от него «бородатые» с оружием, в количестве четырёх человек собирали валежник (в ущелье с дровами всегда проблема, как в целом и во всем Афгане), видимо для вечернего чаепития. Наши бойцы осторожно подошли и, говоря проще, взяли «духов» в плен, без единого выстрела, вот он фактор неожиданности на войне. Они гордо под стволами провели пленных, пока ничего не понимающих моджахедов в штаб полка, потом туда пришли начальник разведки, особист. Короче, вот такая реальная история из нашей полковой жизни. Всех во главе с замполитом представили к правительственным наградам. Память хранит ещё несколько таких неординарных эпизодов. Как-то прилетели к нам в Руху журналисты «Красной Звезды» делать очерк о нашей части. Мы были их сопровождающими. Поднялись на заставу, недалеко от полка, такая примерная, сами понимаете, куда обычно водят всяких проверяющих. Журналисты общаются с бойцами: «Что, да как?». Мы стоим курим. Подходит один любопытный журналист

ко мне: «А что это у Вас?» и тычет пальцем в подствольный гранатомёт. Объяснил ему. Он мне: «А можно стрельнуть?», отвечаю, как учили: «Можно козу на возу, а в Рухе – разрешите». Короче, показал ему, что к чему, он выстрелил, там речка горная Пьявушт, кусты, вот по ним он и дал. Через речку другая наша застава, слышу: специально придуманными очередями вызывают на связь, в трубке один мат. Суть: бойцы этой заставы, 5 человек, спустились как раз к этому месту, куда был сделан выстрел за водой, а теперь представьте мои чувства. Как только мысленно я не материл этого журналиста и себя в том числе, что дал выстрелить из подствольника. Смотрю в бинокль, появляются четверо, а где пятый? Минуты через две тоже живой, (мне они показались вечностью), видимо самый молодой, потому что он нёс аж четыре сапога от ОЗК с водой. (Кстати, широкоприменяемый метод доставки воды, используя сапоги резиновые от ОЗК в Афганистане). Вот такое вышло у нас общение с журналистами.

Продолжая серию нестандартных полковых ситуаций, вспомнил как два прапора, оба техники рот, решили испытать бронежилеты, причём на себе, как в реальном бою. Хорошо, что для испытания эти двое, уже немолодых людей, выбрали не АК-74, а банальные ПМ. И вот дуэль произошла, по пули выстрелили каждый друг в друга в грудь, один прапорщик устоял, второй упал. Сняли «брони́ки», синяки у обоих в полгруди. Ну, прапора отчаянные, красавцы!

Еще один рассказ моего друга, взводного Вадима Баева. У него на заставу было нападение «духов», выскочил в чём был, выхватил у первого попавшегося бойца Фазлиева автомат и бегом к дувалу, где была подготовленная огневая точка, не добегая до дувала, нажимает случайно «подствольник», мало того, что он был не на предохранителе, граната была в нём, элемент везения – граната приводится в боевое положение через 25 метров после выстрела, это спасло Вадима.

***ОЗК** – общевойсковой защитный комплект*

***Дувал** — глинобитный забор или стена в Средней Азии, отделяющая внутренний двор местного жилища от улицы.*

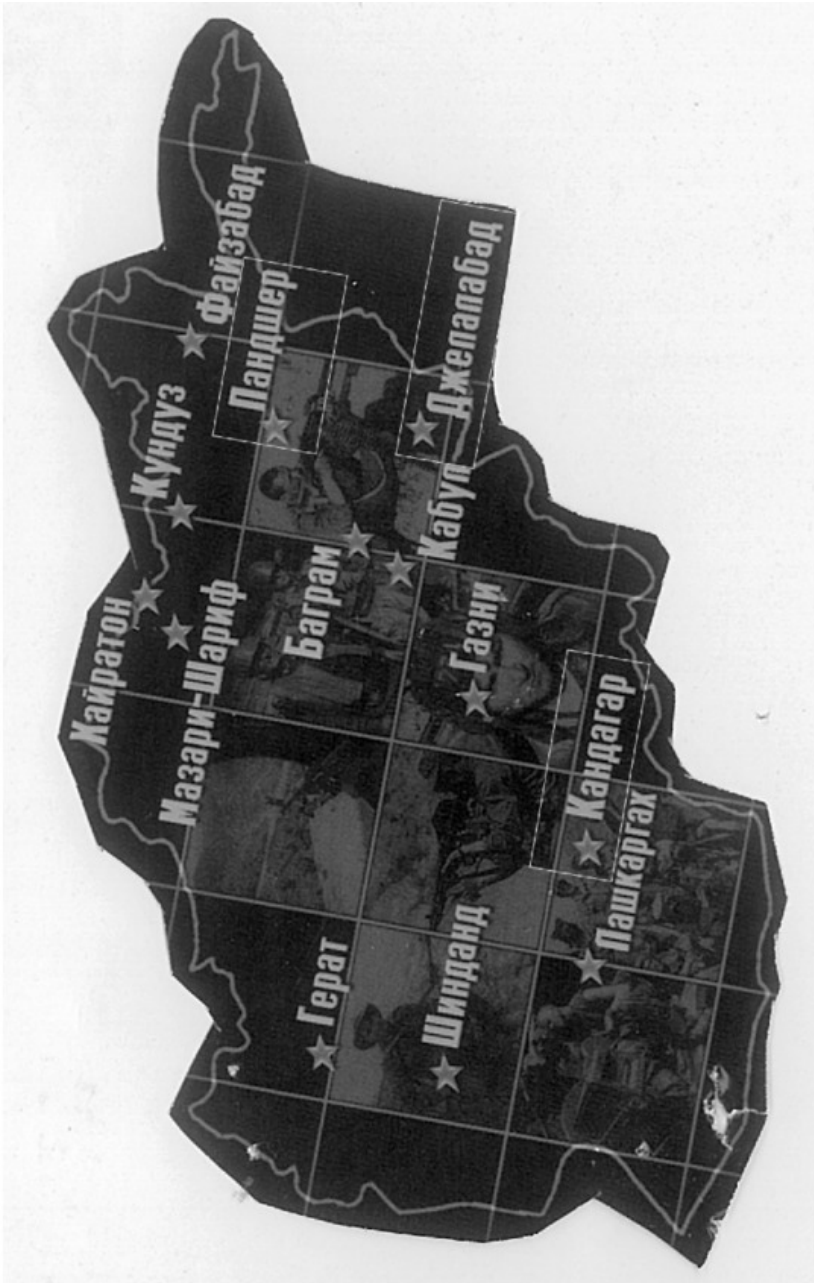
На высокогорной заставе у В. Баева. Панджшер 1987 год.

Граната вылетает, бьёт в дувал и отлетает прямо в лоб взводному, как он мне рассказывал остальное помнит с трудом, весь в крови, лоб рассечён, голова гудит. Вобщем, Вадим ещё долго учил Фазлиева ЛИЧНО, как обращаться с подствольным гранатомётом. Думаю, его методику по обучению Фазлиев запомнил на всю оставшуюся жизнь!

Глава 12. Прощай Панджшер!

Весна 1988 года, согласно планам командования начинается постепенный вывод частей из некоторых районов Афганистана. Если мне не изменяет память – весной 1988 года покинули навсегда Афганистан части и подразделения из Кандагара и Джелалабада.

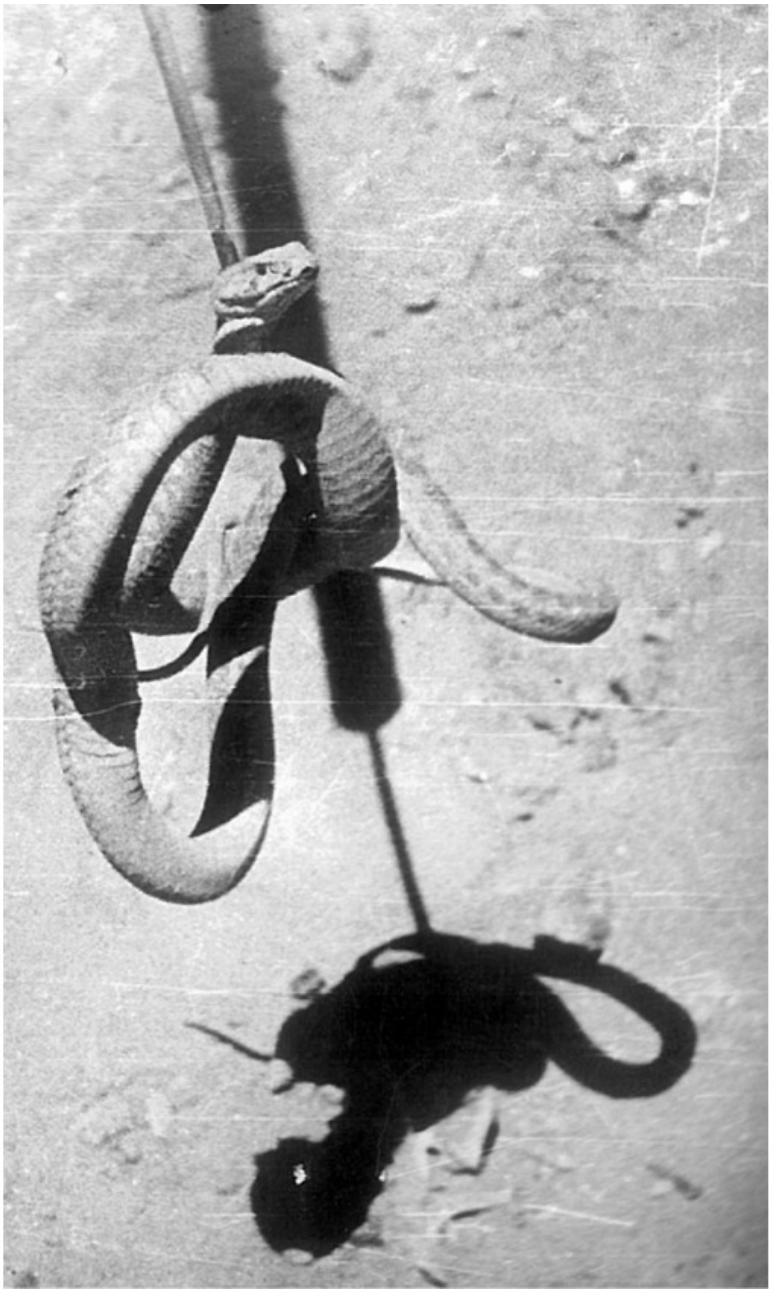
В апреле того же года мы навсегда покидали место постоянной дислокации – кишлак Руха, где полк находился с апреля 1984 года. Навсегда снимали с господствующих высот наши посты боевого охранения. Проводилась масштабная операция по снятию застав и последующим выводом полковой колоны на место новой дислокации в населенный пункт Джаббаль-Ус- Сиранж. Для нас это было даже немного грустное событие: мы покидали величавый горный Панджшер, уходили, в последний раз взглянув на свой, уже пустовавший «бессмертный рухинский гарнизон. Колонна нашего полка двигалась по ущелью, работали «вертушки», спускались с застав черные от загара и радостные бойцы, некоторые провели на постах боевого охранения по году и более. В общем, шла ставшая обыденной для нас работа, вывести без потерь личный состав полка из Панджшерского ущелья к новому месту дислокации. Я со взводом обеспечивал спуск, кажется, если мне не изменяет память, 32 поста боевого охранения,. В бинокль я уже видел, как небольшими группами спускались к родным кишлакам моджахеды Ахмад Шаха Масуда. Видел, как шли, бежали, обгоняя порою нашу колону, а точнее просто убегали «герои» второй пехотной дивизии афганской армии из Базарака.



Короче говоря, всё идёт по плану, никакого огневого воздействия со стороны «духов» нет, без проблем идёт выход колонны и спуск личного состава постов боевого охранения. Четко, внимательно отрабатывают метр за метром наши саперы. Слава Богу, мин не обнаружили, а вот змею щупом проткнули.

Продолжается движение, вдруг в районе 32 поста боевого охранения прогремел по горному раскатисто взрыв. Мы

с бойцами туда. Оказалось, что подорвался старший лейтенант Савватеев, выпускник нашего училища, замполит 9-ой горно-стрелковой роты. Выхожу на связь с ротным, говорю, что у нас на 32-ой «300-й», подрыв, Савватеев, надо срочно вызывать «вертушку» для эвакуации. Смотрю, бойцы несут на простыне окровавленное тело старлея, одна нога свисает с простыни и держится на единственной какой-то жиле, я не медик, поэтому классифицировать это не могу. Навсегда запомнил, когда его несли, он всё время повторял: «Ногу, ногу поднимите». Ставлю промедол, вроде успокаивается. Прилетела «вертушка», аккуратно погрузили, и она «пошла» на Баграм. Спрашиваю бойцов заставы как это вышло, и вот рассказ: старший лейтенант зачем-то решил снять нашу мину МОН-100, которая стояла на неизвлекаемости, сержанты ему об этом сказали, не знаю, что заставило человека решиться на это. Произошел взрыв, результат – практически оторвало левую ногу, несколько пальцев на одной из рук, сильно осколками каменистой породы посекло всё лицо. Как ты понимаешь, читатель, что Савватеева ожидали долгие месяцы разных госпиталей от Кабула до знаменитого госпиталя имени Бурденко в Москве.



Змея проткнутая щупом.

Вот такая беда, возможно вот так нам отомстил Панджшер за наше пятилетнее пребывание там. В целом, вывод и снятие застав прошёл нормально, без потерь и каких-либо осложнений.

Прощай Панджшер, прощай Руха! Нас ожидала «зеленая зона» города Чарикар, Джаббаль-Ус- Сиранж и Гульбахар. Обо всем этом я напишу в следующих главах.

Вернёмся к судьбе старшего лейтенанта Романа Савватеева. Летом 1988 года меня отправляют в законный отпуск, подходит замполит полка и просит передать семье Савватеева его вещи (мы были из одного города). Я соглашаюсь, ведь там один н е б о л ь ш о й о ф и ц е р с к и й ч е м о д а н ч и к. В чемоданчике было: модный тогда костюм «варёнка», пара кроссовок, двести пятьдесят чеков и какие-то письма. В путь. Добрался до Кабула, до аэродрома в чём был, а был я в «маскхалате» (лето, стояла жаркая погода). Подхожу на посадку на «борт», тут начинается цирк: офицер – «восовец» говорит мне, что согласно приказу командующего армией, вылет в Союз разрешён только в п о в с е д н е в н о й ф о р м е о д е ж д ы. Н а м о й вопросительный и довольно выразительный взгляд «восовец» ответил: «Твои проблемы старлей…». Огляделся, смотрю стоит, как всегда немного растерянная от увиденного, группа, только что прилетевшая из Союза по замене. Вычислил прапорщика, как мне показалось с довольно добрым лицом. Подхожу, объяснил ситуацию. Убедил его, что «повседневка» в Афгане вообще не нужна, а в отпуск он не поедет по любому, до вывода войск оставалось семь месяцев. Все бы хорошо, но прапор был ростом под два метра, да и одевать рубашку с погонами прапорщика как-то…, во мне говорило офицерское начало, но куда деваться, сердце рвётся домой. Короче, переоделся я, брюки вместо ремня завязал на груди какой-то верёвкой, прапор брючный ремень не дал, пожалел, ну да черт с ним. Рубаха тоже на мне более чем свободна, ну а фуражка из-за маленького размера поместилась только на затылок, как носили их в те далёкие годы дембеля в Союзе. Подбегаю к рампе, тот же «восовец» улыбнулся, посмотрел мои документы и сострил в спину: «Давай на борт, прапорюга!». Разместились на «борту», рулёжка, взлёт, пошли на Тузель (военный аэродром в Ташкенте). Не обращая ни на кого внимание, скидываю прапорщиковскую «повседневку», переодеваюсь в купленную перед отпуском «гражданку». Описывать своё прибытие в Ташкент, а затем в родной Новосибирск – нет смысла. Ибо программа у отпускников из Афганистана, как вы понимаете, одна и та же. Где-то через пару дней поехал в Академгородок, где жила жена Савватеева. И вот здесь я впервые в жизни столкнулся с человеческим цинизмом, скажу честно, что осадок после посещения жены и тёщи Романа, ещё долго был у меня на душе. Приезжаю с чемоданом Савватеева, дверь открывает молодая симпатичная девушка: «Проходите, я Лена – жена Романа». Прошёл в комнату, в кресле восседает тёща Романа. Я представился, коротко рассказал о случившемся, естественно

сказав при этом, что Рома подорвался на «духовской» мине, ещё добавил, что он сейчас в Москве, в госпитале имени Бурденко, что зрение не потеряно, что протез ему сделают или закажут за границей, как воину- интернационалисту. Смотрю на этих двух, по идеи родных для Романа людей. После моего монолога на лицах никаких эмоций. Тёща при мне открывает чемодан зятя, осмотрев его, даже пересчитала все 250 чеков, спрашивает: «Что, это всё что Роман заработал за год в Афганистане?». Я отвечаю, что мол это всё, что было в его чемодане, а справок о расходование денежных средств, я дать не могу, ибо не являюсь начальником финансовой службы части. Предложили выпить чаю, разговор неожиданно начинает тёща, примерно следующий текст: «Лена – молода, перспективна, закончила ВУЗ, слава Богу, что у них нет детей». В общем, открытым текстом дала понять, что получивший тяжелое ранение в Афгане старший лейтенант Савватеев отныне не придется здесь ко двору, что для Лены ведутся поиски более перспективного нового жениха. Я понял всё, не допив чай, встал, ещё раз окинул взглядом эту алчную, хитрую семейку и вышел в подъезд. На душе было погано, неужели все такие? Эта мысль не давала мне покоя много лет, после этого посещения. Вполне естественно, что я в этот день немало «принял на грудь» в одном из «кабаков» Новосибирска, при этом размышляя (насколько мне позволяло моё состояние) о судьбах наших ребят, потерявших там, на войне, свое здоровье!

Глава 13. Джаббаль-Ус-Сиранж, «Зеленая» зона города Чирикар, Гульбахор, Баграм

Над «зеленкой» небо хмуро,
Дождь январский, стынет кровь,
Над «зеленкой» пули-дуры
Караванов трассеров.
Ох, застава, ты застава,
Ты мне Родиною стала,
Говорят, когда меняли
Лейтенанта о заставы,
Он не бритый и усталый
Плакал и не прятал слёз…

После вывода нашей части из Панджерского ущелья, местом постоянной дислокации стал Джаббаль-Ус-Сиранж, место, как и Руха тоже малоприятное. Если в Рухе нас «доставали» обстрелами с горных вершин, то здесь реактивные снаряды, реже мины прилетали к нам из «зеленой» зоны Чарикара.

Опять на новом месте начали обустраиваться: построили штаб, центр боевого управления, что-то похожее на казармы подразделений, которые дислоцировались в полку. Остальной личный состав, в основном снятый с высокогорных застав Панджшера, разместился на заставах в чарикарской «зеленке». И разместился, сказано очень-очень мягко, потребовалось проведение операций по выставлению застав нашей части. Задачей застав в «зеленой» зоне было прекратить караванные тропы в чарикарской «зеленке», не допускать обстрелов наших частей и автоколонн. Стоял апрель 1988 года, до вывода войск оставалось десять месяцев.

Май 1988 года. Джаббаль. В расположении части.

Вид со стороны нашего полка. Внизу печально известная чарикарская «зеленка». тДжаббаль, 1988 года.

Попытаюсь небольшими стихотворениями охарактеризовать

обстановку тех дней в чарикарской «зеленке».

Жаркая встреча с афганской землей,
Это подарки несущие боль,
Местный бакшиш – нескончаемый зной,
Местный бакшиш – непроглядная пыль.

Только в «зеленку» войдешь наугад,
Этих подарков не перечтешь,
Местный бакшиш – ненавидящий взгляд,
Местный бакшиш – в спину брошенный нож.

Что ожидает нас всех впереди, Трасс автоматных ночной звездопад Местный бакшиш – это мина в пути
Местный бакшиш – реактивный снаряд.

А где-то дома «шуравидохтар»
Цветёт сирень, в поход идут туристы,
А я рассматриваю в триплекс Чарикар,
И очень тихо слушаю транзистор…

С трудом удалось нам выставить наши полковые посты боевого охранения в чарикарской «зеленке». «Духи» постоянно оказывали огневое сопротивление. Признаюсь, что нам, вышедшим из высокогорного Панджшера, недоставало опыта ведения боевых действий в «зеленой» зоне.

«Бакшиш» *(фарси) – подарок*
«Шуравидохтар» *(фарси) – русская девушка*

Все что осталось от казармы 9-ой роты.Джаббаль, лето 1988 года.

Прохали только-что кишлак Гулям-Али. На этот раз все обошлось!

Довольно часто в проведении операций в «зеленке» с нами участвовали подразделения 3450ПДП под командованием Героя Советского Союза В. Вострогина, В чарикарской «зеленке» нам п р от и во с тоя л а п р и л и ч н а я г ру п п и р о в ка моджахедов, которой командовал инженер Хашам. П р и ч ё м п о и м е ю щ

и м с я р а з вед д а н н ы м, группировка имела даже несколько «Стингеров», которые были костью в горле для нашей авиации. Первое знакомство с «духами» чарикарской «зеленки» было для нашего полка малоприятным, только что построенная с трудом казарма девятой роты, была практически полностью разрушена, точным попаданием реактивного снаряда. Благо, что никто не пострадал.

В течение недели в самой «зеленке» подорвались на минах «Урал» и БТР нашего полка. То есть, ситуация была не из простых. Наши заставы регулярно подвергались миномётному обстрелу, а порою «духи» работали по заставам из стрелкового оружия. Мы, не раз пытаясь пресечь обстрелы постов боевого охранения, совершали рейды по «зеленой» зоне, если имелась соответствующая разведывательная информация. Двигаясь по «зеленке» неоднократно снимали «растяжки», слава Богу, за это время не было ни погибших, ни раненых.

Запомнился боевой эпизод возле кишлака Гулям-Али, весною 1988 года, где-то в средине апреля, если память не подводит меня. Двигались на БМП. Вдруг из-за дувала «духи» «стеганули» по «броне» из гранатомёта. «Броня» встала, всё неожиданно, мне казалось, что по нам открыли огонь ото всюду: из виноградных, тутовых рощ, такой шквал обрушили, мы все естественно сориентировались мгновенно, лежим под прикрытием «вставшей», после попадания из РПГ – «брони».

Моджахеды шествуют по родной им Чарикарской «зеленой» зоне. Весна 1988 года.

С бронегруппой в Чарикарской «зеленке». Весна 1988 года.

В той же «зеленке», но уже летом 1988 года.

Насколько возможно отвечаем короткими очередями. Благо, что недалеко была наша застава, а на ней была БМП, вот она на звук очередей вовремя «подскочила» к нам на помощь. Уже приближаясь к нам «броня» с заставы, начала «работать» по огневым точкам « духов». Представляете с ко р о с т р е л ь н о с т ь а в и а ц и о н н о й п у ш к и установленной на БМП-2 –

2000 выстрелов в минуту при калибре 20 мм, летели ветки деревьев, крошились, поднимая пыль дувалы. Короче, «покрошили» в хлам всё возможное. Через какое-то время наступила режущая слух тишина. Решили под прикрытием БМП добежать до дувала, проверить что к чему, подобрались, на всякий случай бросили за дувал по Ф-1, выдержав паузу обошли дувал и нашим глазам предстала следующая картина: четверо окровавленных мертвых моджахеда, 4 АК, 1 РПГ, вокруг россыпи гильз. Оружие забрали, доехали до заставы по связи доложили, что было боестолкновение, все живы, а это самое главное, БМП сегодня же утянут для ремонта.

Жизнь продолжалась, мы были частыми гостями на заставах в чарикарской «зеленке».

РПГ *– ручной противотанковый гранатомет*

«Зеленая зона» *– местность покрытая растительностью, как правило виноградники, тутовое дерево и другие.*

Скромный афганский завтрак на БТР. «Зеленая» зона Чарикара. Лето 1988 года.

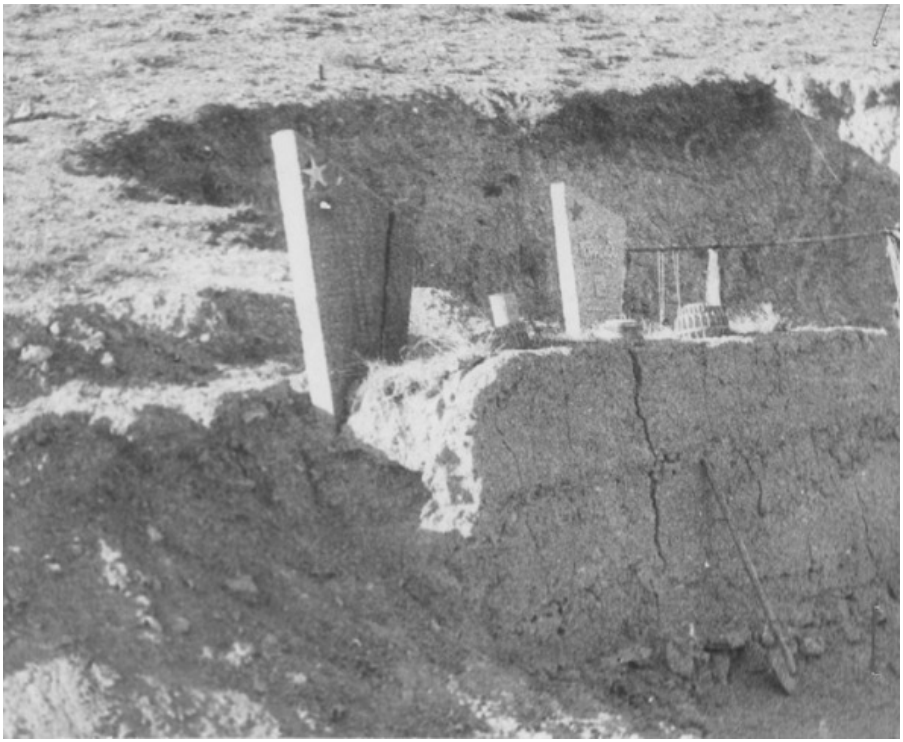
«Эх, Баграмская дорожка, шутки в сторону…» Ноябрь 1988 года.

Так же прочесывали кишлаки, если в этом возникала необходимость, дело ещё затруднялось местными жителями различных кишлаков, которые, естественно, плотно сотрудничали с людьми инженера Хашама (от установки мин на возможном маршруте движения нашей техники, до информации где, сколько, когда и т.д.). В Панджшера отсутствие местного населения, а соответственно отсутствие контактов с ним, приносило нам только пользу. Здесь ситуация иная.

Нашел простое, но верное решение в отношении обстрела «духами» его заставы, её командир Вадим Баев. Молодой, но уже прошедший школу постов боевого охранения в панджшерском ущелье, офицер. Вечером, в очередной раз, его застава подвергалась миномётному обстрелу. Недолго раздумывая, Вадим дал команду на открытие огня из всех огневых средств заставы по кишлаку, который располагался где-то в метрах 300 от поста боевого охранения. Утром пришли старейшины, они были очень возмущены поведением «шурави» (советских, русских – пер. с фарси), но старший лейтенант Баев через бойца- таджика, который выступал в роли переводчика, дал понять старейшинам, что если обстрелы не прекратятся, то ответы каждый раз будут аналогичные. Старейшины пообещали решить этот вопрос с самим инженером Хашамом. Обстрелы заставы реально

прекратились.

На месте рота не сидела, то мы в Джаббале, то в Баграме, то во втором батальоне нашего полка в Гульбахаре. Практически, когда уже всё, как говорится «устаканилось» с постами боевого охранения в «зеленой» зоне, то мы начали выполнять те же функции, что и в Панджшере, осуществлять помощь в проводке колон по «зеленке», с целью доставки на посты продуктов, боеприпасов и прочего.



Памятники погибшим саперам нашего полка. С 1984 по 1989 годы саперная рота нашего полка потеряла 34 человека. Джаббаль.

Легендарная саперная рота нашего полка. Джаббаль-Ус-Сираж. Лето 1988 год.

Всё тоже самое, с разницей в том, что стреляли не горы, а кусты и деревья. Каждый такой выход сопровождался, как правило, регулярным снятием мин и «растяжек» на маршруте нашего движения саперами родного полка.

Никогда не забуду баграмскую дорогу, с её ужасающей цементной пылью, которая, как казалось, впитывалась во всё твое существо. Здесь реально при движении из-за этой пыли дышать было практически невозможно, но и здесь выручила армейская смекалка, при движении по «баграмке» начали применять респираторы.

Всплывает такой сюжет: едем по баграмской дороге (как пела легендарная группа «КАСКАД»:

«Эх, баграмская дорожка, шутки в сторону, где ты милый и надежный АКМ…») и метрах в ста от неё, в поле, лежит сбитый, переломившийся при ударе о землю «почтовик». Сбитый, по всей видимости «Стингером», пущенным из чарикарской «зеленки», а вокруг самолёта письма, письма, письма… На душе стало как-то ужасающе больно, я представил любимых, матерей не получивших долгожданного письма, я это знаю, как моя ныне покойная мама, по три раза на дню проверяла почтовый ящик, есть ли весточка от сына.

В отличии от Панджшера, здесь жизнь била ключом, ощущался какой-то иной ритм жизни, войны. За время пребывания в Джаббаль-Ус- Сиранже, где нас только не носило: Гульбахар, Чарикар, Баграм, «зеленка», опять Джаббаль.

На заставе танкового батальона. Трасса Чирикар – Кабул. Осень 1988 года.

18 застава. дорога Чарикар-Кабул. Награждение отличившихся бойцов почетными грамотами ЦК ВЛКСМ.

С начальником мед. службы полка Р. Курбановым. Джаббаль-Ус-Сиранж. Осень 1988 года.

Вручение призов победившим подразделениям в соревнованиях
по физ. подготовке. Джаббаль, лето 1988 года.

Чарикарская «зеленка». Переговоры с моджахетами инженера Хашами. Комбат 2 МСБ, начальник штаба полка. Зима 1988 года.

На заставе 5 МСР. Гульбахар, лето 1988 года.

Нет, Афганистан не сон, не обман,
Я память друзей не предал.
Мне не забыть дорогу на Джаббаль
И наш поворот на Баграм.

Взорвался фугас, но Бог меня спас,
Не знаю, чужой или свой,
Над грудой «брони», смерть повремени,
Я кажется снова живой…

Поехали как-то на 10 заставу, стоявшую прямо на повороте баграмской дороги, налево в Чарикар, направо в Джаббаль. Всё за это время уже плотно познакомились, сдружились, частенько оставались ночевать на этой заставе. Заходим в помещение, офицеры попивают водочку (здесь не Панджшер, в каждом дукане взять водку не проблема, была бы «пайса» (пер. с фарси «деньги»). У них гость, военный строитель, который «присев» на заставе «на стакан» еще не успел добраться до Кабула, по его лицу текли слёзы, он рассказывал, какую хорошую столовую он построил для бойцов в Асадабаде и какие бессердечные суки – «духи», разгромившие через сутки реактивными снарядами его детище! Мы же выпили, всегда здесь есть о чём поговорить, успокоили старлея – военного строителя и двинулись дальше на Баграм.

Глава 14.«Чарикарская «зеленка»

Задумывая написание этой книги, я для себя решил быть предельно правдивым в своем повествовании. Как любая война, Афганистан вместил в себя кроме мужества и героизма наших войск, к сожалению, и немало негативных моментов.

Когда мы вышли из Панджшера, то первой проблемой, с которой столкнулись в «зеленой зоне» Чарикара – это местное население, а точнее контакты наших бойцов с этим населением, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Самой глобальной проблемой стало широкое распространение наркотиков, особенно гашиша или чарза, как его называли и мы и афганцы. Постоянно возле наших застав крутились «бачи» (пер. с фарси «мальчик, подросток»), предлагая за сущие копейки эту дрянь. И чего греха таить, многие бойцы пристрастись к этой гадости именно в Афгане, привезя этот опыт и привычку в Союз.

Не скрою, что и мне довелось попробовать «чарз», это было ужасное состояние. Двое суток был в коматозе, язык не ворочался. Помню, фельдшер никак не мог диагностировать моё состояние, но какие-то капельницы ставил. В общем, отошел я, и слава Богу. Спасибо молодому организму, что отошёл не в мир иной!

Моджахед позирует перед иностранными журналистами с нашим РПГ-7.

Уже с позиции прожитых лет, размышляю, а что если бы каждый, кто впервые попробовал наркотик получил бы не удовольствие, а такое состояние, как я, может так остро проблема наркомании не стояла бы сегодня в России.

Это был мой единственный в жизни опыт и пусть молодежь,

кому попадет в руки моя книга, прочтя это, задумается. А стоит ли это сомнительное удовольствие тех потерь по жизни, которые, как правило, несет с собой употребление наркотиков?

Приведу еще случаи общения с местным населением, которые приводили к непредсказуемым последствиям. Командиром одной из наших застав в «зеленке», возле кишлака Мирбачакот, был старший лейтенант Сергей Хухарев, неплохой офицер и вот как-то прибегает на заставу к нему мальчишка, который ежедневно общался с личным составом, доставал, приносил всё, что ему заказывали, и просит Хухарева посмотреть машину, которая сломалась рядом с заставой. Серега берет автомат и идёт с этим бачой к машине. Подошли, отрыли капот, Хухарев положил автомат рядом на траву и через несколько минут неожиданно из кустов выходят четверо «духов», направляя стволы своих АК на старлея, забирают его автомат и исчезают с ним в кустах «зеленки». Вечером того же дня прибегает бача (а что ты сделаешь ребенку, мы же советские солдаты, наше воспитание, наша советская ментальность не позволяла предпринимать что-либо в отношении любого ребенка) и говорит, что моджахеды требуют выкуп за автомат, не помню сумму, то ли 50, то ли 100 тысяч афгани, сумма довольна приличная.

С бойцами 2 МСБ н. п. Гульбахар.

Хухарев понимает, что время решает всё, пока об этом не узнало командование или, упаси Боже, особый отдел. Мозг старшего лейтенанта начинает интенсивно работать, и Серёга находит на свой страх и риск решение этого вопроса. Он делает

«куклу». В коробку из-под обуви «Salamander» он кладет настоящие афгани, собрав со всех, сколько было на заставе, а остальное нарезанной аккуратно и крашеной замполитовской тушью бумагу. Причем «кукла» выглядела очень натурально. Через этого пацана Хухарев назначает «духам» встречу на вечер, возле заставы. Моджахеды – вымогатели пришли в назначенное время, только уже вшестером, застава наша тоже в полной боевой готовности, если вдруг переговоры пойдут не так, раскроется обман и т. д. Темнеет рано в Афганистане, может это и сыграло положительную роль в передаче «куклы». В общем, прошло всё пристойно и обе стороны были довольны, но вот утром следующего дня, рассерженные «духи» интенсивно начали обстреливать заставу из миномётов. Но нет вечного в мире, где-то через день-два обстрелы прекратились, застава не понесла никаких потерь. Еще один достоверный факт отношения и «порядочности» местного населения. Был в девятой роте боец, фамилию не помню, таджик из Самарканда, симпатичный, спортивный парень, мастер спорта по фехтованию, сосланный в Афганистан из спортивного клуба армии КТУРКВО из-за серьезной ссоры с руководством клуба, причём парня отправили не в Кабул или Баграм, а к нам на воспитание, в Руху! Уже будучи в чарикарской «зеленке» на одной из застав, естественно прекрасно владея языком, потому что он много общался с местным населением, бачами, которые постоянно «крутились» возле наших застав в «зеленке».

Моджахед позирует перед иностранными журналистами с ПЗРК.

Не знаю, зачем наш боец пошел вечером на встречу с афганцами, причем ему хорошо знакомыми, то ли какие-то вещи заказывал на «дембель» или что еще, но суть в том, что придя на встречу, его окружили несколько моджахедов, один быстро отстегнул магазин от его автомата и предложили ему уйти с ними. Что оставалось бойцу под «духовскими» стволами?

Короче – плен. Ситуация непростая, дело к выводу войск, а тут пленение нашего солдата. Естественно, начались всевозможные движения со стороны командования дивизии, армии и, конечно, особого отдела. Не знаю на какие уступки пошло наше командование, но через месяц солдата освободили и немедленно отправили в Союз.

Году в девяностом, я еще служил после Афгана в Самарканде, чисто случайно, иду по улице, тормозит машина и меня кто-то окликает:

«Товарищ, капитан!». Смотрю, глазам не верю, передо мной тот плененный «духами» боец. Гостеприимства у восточных людей не отнять, тем более нас сближало то, что мы не просто «афганцы», а еще и однополчане. Традиционно ресторан, стол полный всевозможных восточных кушаний и. конечно, водочки. И вот под водочку он и рассказал мне историю своего нахождения в плену у моджахедов.

После его захвата в «зеленке», повели какими- то тропами через виноградники, дошли до какого-то полузаброшенного кишлака, завели в трехэтажный глинобетонный дом, больше похожий на крепость.

Во 2 МСБ н.п.Гульбахар, после рейда по «зеленке» отдых у бассейна.

Они прекрасно знали, что он таджик, мусульманин. Короче говоря, с первого дня пребывания в плену его обрабатывали, чтобы остался здесь в Афганистане, что у него хорошие перспективы здесь, зачем ему ехать опять к «неверным» и т. д. Обращались, говорит, нормально: не били, все давали читать Коран, уговаривали всеми правдами и неправдами остаться. Он говорил им, мол, отпустите у меня мать одна, четверо братишек в Самарканде, зачем я вам? Не сломали парня

все доводы и уговоры «духов» и, где-то через месяц, его повели в один из кишлаков в «зеленке», там была встреча с представителями нашего командования и передали его им.

Вот так удачно для него окончился плен. К великому сожалению – это единственный случай в истории афганской войны, еще немало наших ребят остались там, «за речкой», в плену. И даже по прошествии двадцати пяти лет после войны, судьбы многих из них не известны.

Глава 15. «Афганская любовь»

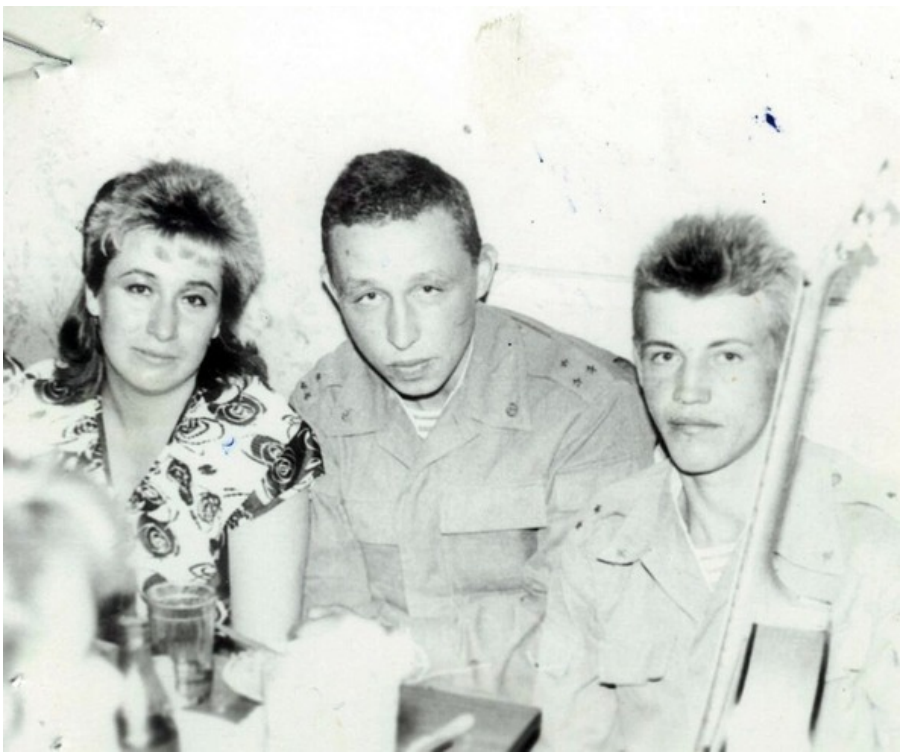
Судьба свела меня с комбатом третьего горно- стрелкового батальона нашего полка, как-то само собой случилось, что после вывода полка из Панджшера у нас с ним завязалось плотное общение, в последствии переросшее в хорошую мужскую дружбу. Комбат – человек был молодой, ему не было еще и тридцати, а он капитан, на подполковничьей должности командира батальона. Этот человек был постоянно заряжен на движение, он успевал всюду, поругать своих ротных, «схлестнуться» на матах с парторгом или пропагандистом полка, днем проверить заставы своего батальона в «зеленке», а вечер провести в приятном обществе дам из баграмского медсанбата. Видимо его заряженность на постоянное движение хранила его от пуль и фугасов, смерть просто не поспевала за ним и, по всей видимости, махнула на него рукой! Была у комбата женщина из медсанбата, в последствии он познакомил меня с ее подругой, и наши вояжи в Баграм стали совместными и регулярными, если, конечно, не было боевых выходов. Приехав в Баграм, БТР с бойцами оставляли за забором медсанбата и через пролом в заборе проникали на территорию, а затем в женский модуль медсанбата. Поверь, читатель, что когда я общался с ветераном Великой Отечественной, они мне рассказали, что даже в те суровые годы, если такая возможность была, находили силы и время знакомиться, общаться и т.д., с противоположным полом. Кстати, замечу, что только в нашем полку несколько офицеров и прапорщиков нашли свою любовь именно «за речкой».

Вот они маленькие человеческие радости на войне!
г. Баграм, осень 1988 года

С комбатом программа была, говоря языком фигуристов – обкатана: наша водка, закуска, гитара, а в обмен сердечное отношение медсестер. Все бы хорошо, но были случаи, когда нас останавливал патруль в ночное время, приходилось решать этот вопрос. Естественно о наших неоднократных посещениях вверенной ему части узнал начальник медсанбата.

Дело дошло до того, что возле нашей дыры в заборе на нас

начали ставить «растяжки» с сигнальными ракетами, потом в один из дней приехав в медсанбат мы вообще растерялись, наша дыра была замурована! А перелезть через забор никакой возможности не было, по верху тянулись нити колючей проволоки. Решаем с комбатом, как нам «устаканить» вопрос о нашем, пусть не частом, но официальном пребывании в медсанбате. У нас в «закромах» было еще кое-что вывезенное из Панджшерского ущелья. Зная, что начальник медсанбата осетин, решили подарить ему саблю, где-то 18—19 века, что мы с комбатом и сделали в один из приездов в Баграм. В общем мы быстро нашли общий язык с начальником медсанбата, даже «накатили» у него в кабинете водочки за знакомство. С тех пор наш БТР официально получил «прописку» для парковки возле штаба медсанбата, но с условием сдачи дежурному по части наших автоматов, «лифчиков» с магазинами и гранатами. Но, увы, нет ничего вечного, я ушел на усиление на перевал Саланг, комбат был плотно занят постепенным выводом своих застав из «зеленки», готовясь к выводу своего батальона в Союз. Но даже по прошествии стольких лет, я вспоминаю с теплотой эти маленькие мужские, человеческие радости, которые дарили нам эти девчонки из медсанбата. И мы, по возможности, платили им тем же.



Глава 16. Гепатит

Сентябрь 1988 года, отмечаю свой День рождения, стол не по-во енному полон всевозможных угощений, от тонкой «охотничьей» колбасы, до нескольких банок красной икры. Эти деликатесы достали для меня бойцы, работающие на продскладе полка, из командирского запаса. День рождения, он и на войне маленький, но праздник. Самогон рекой, поздравления, песни под гитару. В общем, погуляли на славу и, как любил говорить комбат третьего горно-стрелкового батальона:

«Никто никого не убил? Нет! Ну и хорошо посидели».

Проснувшись утром, я впервые почувствовал какую-то боль в правом боку, потом мне объяснили, что там находится печень и возможен инфекционный гепатит, который косил нашу 40-ю армию, не разбирая должностей и званий. Позвали медика, он говорит: «Иди, помочись в стакан». Иду, мочусь, он капает туда йод, сразу образуется красно-розовое кольцо. Диагноз медика – гепатит, в простонародье – «желтуха». Повезли в Баграм, в медсанбат. Привезли, с местами проблемы. В палатах, коридорах – кровати в два яруса. Тут не только гепатит, но и брюшной тиф и т. д. Всё лечение протекало по формуле: капельница, таблетки, какие-то уколы. Но нам посоветовали опытные люди собирать верблюжью колючку, заваривать, настаивать и как можно больше пить. Весь подоконник в палате был заставлен трёхлитровыми банками с этим отваром. Пили его размешав со сгущенным молоком. Не знаю, что больше повлияло на выздоровление – армейская или народная медицина.

Вот так выглядел праздничный стол. Джаббаль-Ус-Сиранж. Сентябрь 1988 года.

Мух отгоняет майор Володя. (начальник физ. подготовки полка).

А я уже через месяц колесил по Баграмской дорожке.

Сразу после выписки, в расположении 2-го батальона, в Гульбахаре.

Вскоре я пошёл на поправку, молодой организм перенес «желтуху» без осложнений. Не обошлось без забавного эпизода, пока я был на излечении. Раскрываются ворота медсанбата, влетает на полном ходу БТР, на «броне» на матрасах прапорщик с печеночной комой. Суть темы такова: этот прапорщик свято

уверовал в старую «афганскую» поговорку «красные глаза не желтеют», находясь где-то на заставе в «зеленке», реально уже будучи желтым, больным, претворял в жизнь эту «афганскую» поговорку, т.е. лечил гепатит самогоном. Военная медицина спасала и не таких, честь и хвала военным медикам, откачали этого наивного прапорщика. А уже через месяц он колесил по баграмской дорожке.

Время неумолимо приближало нас ко дню вывода войск, хотя вряд ли мы считали дни до этого момента, когда снова окажемся на родной земле, в Союзе! Работы хватало всем, ну а «духи» чарикарской «зеленки» не забывали её нам регулярно подкидывать. Как-то будучи в месте постоянной дислокации части, в Джаббале попросил замполита полка Н. Н. Лукьянова, съездить со мной в дуканы города Чарикар, он согласился и мы помчались на его БРДМ. Приезжаем – народу тьма! Вспомнили, что сегодня пятница – «джума» (выходной день у мусульман), кое-как проехали через толпы торгующих и покупающих. Подъехали к дукану, где я хотел купить кое-что из вещей, модных в то время в Союзе («варенка», джинсы и т.п.). Короче говоря, прошлись по дуканам, быстренько примерил, кое- что купил, если честно – я не любитель посещать всевозможные магазины, что-то выбирать, а тем более торговаться. Двинулись в обратный путь в Джаббаль.

Движение на трассе Кабул – Чарикар, осень 1988 года.

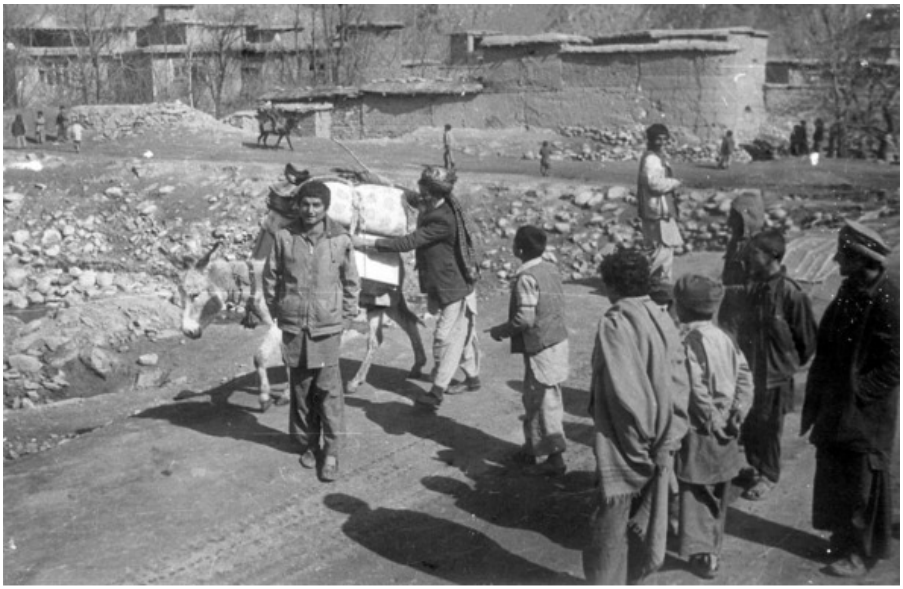
г. Чарикар. Центральный базар.

г. Чарикар, наши блокпосты в центре города. Осень 1988 года, между нашими БМП представитель царандоя (афганской милиции)

В расположении 2 МСБ н. п. Гульбахар, осень 1988 года.

Смотр перед очередной операцией в Чарикарскую «зеленку».

Вид на Гульбахар и Чарикарскую «зеленку» с одной из застав 2 МСБ.



н. п. Гульбахар

Гульбахар. Идет караван гордого и независимого народа – пуншутов.

Вот так выглядел Гульбахар. Справа и слева от дороги выставлены наши блоки, в ожидании движения нашей колонны в Чарикарскую «зеленку». Осень 1988 года.

Подъезжаем к крыльцу штаба полка, спрыгиваем с «брони», вдруг глухой хлопок и вмиг воспламеняется двигатель на БРДМ. Кричу водителю: «Вылазь быстро, там же боекомплект!». Выскочили из штаба офицеры, солдаты, давай тушить, кто чем мог, кто бушлатом, кто водой из ведра, в общем, слава богу, погасили пламя. Когда разобрались в чём дело, то версия была одна – прицепили пластид (в то время это была абсолютно новая тема в ведении минной войны).

Из-за активизации моджахедов в «зелёной» зоне Чарикара, мы были вынуждены проводить операции в масштабах батальона по доставке продуктов, боеприпасов на посты боевого охранения. Ситуация была аналогичной Панджшеру – так же шли саперы, выставлялись блоки, автоколонну всегда сопровождала бронегруппа. Такие выходы всегда тщательно планировались. Не редко мы подвергались обстрелам из «зелёнки», но как правило, это были короткие боестолкновения. Стоило начать «работать» бронегруппе по засечённым огневым точкам «духов», они сразу «растворялись» в «зелёнке» Чарикара.

АФГАНИСТАН

Глава 17. 27.04.88г. Комбат

26 апреля 1988 года поистине роковая дата для меня. Это дата второго моего рождения. 26 апреля – национальный праздник Афганистана тех лет – День Саурской революции. Мы находились в этот день во 2-ом МСБ в городе Гульбахар. Не знаю чей это был приказ, осуществить завоз продуктов и боеприпасов на посты боевого охранения, хотя по всей 40-й армии был доведен до личного состава приказ: «Никаких движений, ни колон, ни одиночных машин. Находиться в местах дислокации». Не знаю почему, но исполняющий обязанности комбата М. М. Криворотько, а мы с ним крепко дружили, хотя если честно, многие не понимали его требовательность, уставную строгость, но он был таков. В общем, принимается решение колонной в сопровождении взвода моей роты доставить продукты, боеприпасы, а главное питьевую воду на заставы возле Гульбахара. Да с нами ещё поехала группа дембелей 4-ой роты на так называемый «дембельский» аккорд. Надо было восстановить часть ограждения на одной из застав.

Раннее утро, тепло, апрель, исполняющий обязанности комбата проверяет готовность колоны. Вроде всё в порядке, начали движение, выехали из батальона, сидим с М. М. Криворотько рядом на башне БМП, какое-то чувство опасности охватило меня, все дуканы закрыты, висят амбарные замки, ни одного жителя на улицах, а ещё сутки назад здесь кипела жизнь. Вдруг из-за канала, из «зелёной» зоны раздаются интенсивные автоматные очереди, первые прошли по «броне» ни задев никого, механик-водитель резко прибавляет скорость, обстрел возрастает, в это время комбат толкает меня вперёд, я падаю на ребристый лист, кое-как зацепился, проехали метров 20, комбата нет на БМП, видим – лежит уткнувшись лицом в пыльную дорогу, пытаемся развернуть колону, благо она состояла из 6 машин.

Последнее фото комбата, за пол часа до гибели..

Развернули, начали «работать» из пушек БМП по «зелёнке», огонь всё равно «духи» не прекращают, подбивают даже 1 БМП из РПГ-7.

Практически все спешились, залегли за «броней», цель одна – вытащить комбата, дембеля- молодцы, когда кончились патроны, а они брали с собой по одному магазину, то они подскочили к посту царандоя, отобрали у них магазины и почти встав в полный рост шли до тела комбата стреляя по «зелёной» зоне, откуда были замечены вспышки.

«Духи» умудрились уже в мертвого комбата попасть несколько раз в ноги, руки. С трудом тело мы затащили за БМП, я оглядел его, пуля, видимо снайпера, вошла наискосок в висок и вышла из затылка. Лицо было окровавлено, ведь он к тому же упал вниз лицом. Всё х\б, «лифчик» были липкие от крови. Повторюсь, «духи» ведь попали в него ещё несколько раз. Среди личного состава ни одного раненого, лишь подбитый БМП мы оставили на месте боестолкновения. Положив М. Криворотько в десантное отделение, прибавили скорость, при этом поливая «зелёнку» из всего вооружения БМП.

Мы не въехали, а ворвались в батальон, замполит полка был там, что будем делать? Морга- холодильника нет, ближайший в нашем полку в Джаббаль-Ус-Сиранже.

Царандой *– афганская милиция*

Не знаю, что нашло на замполита, он принимает решение везти тело комбата в Джаббаль, почему-то одной БМП, а не колонной, прекрасно осознавая обстановку этого дня. Короче, получаю приказ, машину и экипаж из механика-водителя и наводчика-оператора. Связь с механиком отсутствует, управление – ударом по его шлемофону ногой или рукой, либо криком. Бойцам говорю, что ситуация не простая, магазинов и гранат надо взять по максимуму.

Положили комбата в десантное отделение, перекрестились, тронулись, поехали. Гульбахар – нормально, тишина. Выехали на открытое пространство: справа застава 5 роты, расстояние около километра, слева разрушенный кишлак и какие-то деревья, пылим по дороге одни- одинёшеньки. С наводчиком сидим на башне, автоматы в боевом, немножко чувствуем мандраж. Боковым зрением улавливаю вспышку слева из разбитого кишлака, что есть силы кричу механику прибавить, тот прибавил, было видно как граната от РПГ-7 в 2 метрах от нас разорвалась позади в нашей колее. Обернулся на выстрел, отчётливо вижу второго «духа» тоже с РПГ-7. Готовиться к выстрелу. Не раздумывая, стреляю, расстояние не более ста метров и вижу что попал. Попал «наглушняк», «душара» завалился на бок вместе с гранатомётом. Наводчик, что со мною, не растерялся, молодчина. Тоже давай «полоскать» из АК по кишлаку, только магазины менял. Всё происходит на глазах у заставы пятой роты, но с ними нет связи. Ещё прибавили, осталось чуть- чуть, всё, вылетели на кабульскую трассу и сразу в полк. Рядом комендантский взвод, удивлены, что мы одни. Смотрю, бойцы сбегали в морг за санитарами, комбата уложили на носилки и унесли. Бойцы, как обычно: «Товарищ старший лейтенант, можно за письмами». Давайте, только ещё патронов, даже в карманы, насыпьте, ведь по любому будем возвращаться в Гульбахар. Сам пошёл в морг, попросил уделанного в усмерть бойца-санитара, чтобы обмыл комбата по-человечески, в полк вернусь – в долгу не останусь. Договорились. Я в последний раз взглянул на когда-то молодого, спортивного мужика, мысленно простился с ним и пошёл к «броне». БМП наша стояла рядом с «комендачами» через дорогу «зелёнка» может метров 300 не более. День, солнце в зените, жарко, снял х/б, «лифчик», думаю, хоть позагорать пока бойцы за письмами ходят, люк отрыт на башне, это спасло меня во второй раз, только разделся, услышал резкий звонкий звук и толчок, бил снайпер, но попал в люк. Я рухнул внутрь БМП, перекрыв все армейские нормативы, весь ободрался до крови обо

все приборы, но боли не чувствовал, а жила одна мысль, как ехать обратно. Подошли бойцы, «комендачи» перестраховывались, если что – мы вас не видели и не выпускали. Говорю наводчику, что надо ехать по-боевому, приблизимся к тому кишлаку, надо «долбить» из пушки, прямо туда. Он вроде понял. Тронулись, да еще открыли верхние десантные люки, если попадут из гранатомёта, БМП не разорвёт от давления, как консервную банку. Приближаемся к этому, брошенному кишлаку, такое впечатление, что «духи» знали, что мы непременно вернёмся этой же дорогой. Хотя пушка БМП и работает качественно и прицельно, но «бородачи» успевают выстрелить по нашей несчастной БМП, граната пролетает прямо в 10—15 сантиметрах от открытых десантных люков.

Фотография лично подаренная мне
М. М. Криворотько за месяц до гибели. Вечная ему память!

Тут уже у нас с наводчиком началось что-то на подобии невроза: вылазим из башни и начинаем насколько возможно на ходу бить прицельно по «духам» из АК. Они практически не скрываются, время есть ещё до Гульбахара около километра, и вот опять, наверное, Бог, наш солдатский Бог, послал нам

фронтовую удачу. Сначала я одной из очередей «завалил» «духа», следующей очередью наводчик ещё одного. Мы видим – им сейчас не до нас, какая-то возня.

Влетаем в Гульбахар, по-боевому, неведаем от страха, что творим, «работаем» по закрытым «дуканам» налево и направо. У страха глаза ох, как велики! Ворвались в расположение батальона, спрыгиваю с «брони», волоку автомат по земле, состояние какого-то полнейшего опустошения. Подходит замполит полка, что и как? Рассказал, что попали в не совсем стандартную ситуацию. Пошёл к прапору, комсомольцу батальона, зная, что у него всегда есть либо спирт, либо водка. Был спирт. Прекрасно. Накатил. Сел писать наградные на механика и наводчика, представил к медалям «За отвагу», тут же замполит полка подписал мне их наградные. Сказал, что меня не обделят наградой. И в самом деле, перед самым выводом войск, мне вручили орден «Красной звезды». И сегодня, когда я пишу эти строки, осознаю, что вся афганская война была сложена вот из таких подобных эпизодов, это в Великую Отечественную воевали фронтами, дивизиями. Здесь другая война, наверное, по форме партизанская, думаю, не менее сложная.

Глава 18. Стихи, песни

Ещё находясь в Рухе (Панджшерское ущелье) я в свободные вечера брал гитару и что-то писал, напевал, что-то вроде небольших музыкальных зарисовок из жизни нашего полка, где-то это были лирические вещи, где-то с определенной долей иронии. Я даже в юношеских мечтах не представлял себя в качестве исполнителя, барда и т.д., кроме как офицером, боевым офицером, я не видел себя в ином качестве, но судьба распорядилась иначе. И так, вернёмся к моим музыкальным изыскам. Постепенно мои песни стали приобретать популярность, их стали записывать на кассеты и они уезжали вместе с нашими колонами из Панджшера в Баграм и Кабул, Чарикар и Пули-Хумри, уезжали вместе с «дембелями» и «заменщиками» в Союз.

Как рождались песни? Наверное, как-то само собой. Я никогда не ставил цель написать песню про тот или иной боевой эпизод, написать песню о саперах, разведчиках и т.д., всё это получалось как- то спонтанно: рождались первые строки, а потом рука, как будто её кто-то водил свыше, сама непроизвольно водила карандаш по вырванному из какой-то тетради листку.

Не знаю, что меня подталкивало на написание песен, по всей видимости атмосфера войны, непередаваемая грусть, тоска по дому, матери, и, естественно, суровая реальность войны с её потерями, искалеченными судьбами и душами… И скажу без ложной скромности, видимо это у меня неплохо получалось!

И вот ка к – то п р и ход и т в д и в и з и ю телефонограмма, что надо всех более или менее талантливых исполнителей, какие есть в дивизии, отправить к такому-то числу в Кабул, на прослушивание, там приехали телевизионщики с Первого канала, с ними музыкальный редактор канала, имя запомнил – Регина. Меня начинают искать, я в это время нахожусь в районе Пули- Хумри, сопровождал колону нашего полка. На Саланге весна: то капель, то метели, то солнечно, то моросящий дождь, переходящий в снег. Обратно наша колона двинется только через неделю. Приказ есть приказ, быть в Кабуде тогда-то. Принимаю решение добраться до Джаббаля (к ТОМУ времени мы вышли из Панджшера) на попутках. Короче говоря, пересек перевал, где с авторотой легендарного «полтинника», где с «Совтрансавто». Добрался до полка, переоделся, взял гитару и с нашей «броней» прибыл в Кабул. Там нас всех прослушали, потом были съемки на заставах возле Кабула. Тем, кого отобрали, а я был в их числе, сказали, что будет концерт глобальный в Москве, 8 мая 1988 года и все мы должны туда прибыть.

Я не буду описывать как мы летели, как не скрою приветливо нас встретила столица, как с нами серьезно занимались люди Первого канала, которые готовили этот фестиваль. Я впервые побывал в Останкино, где в тон-студии мы записывали фонограммы для концерта, там мне довелось увидеть кумира моей юности Андрея Макаревича! Там, чисто случайно, когда я шел с гитарой по коридору, меня пригласили в какой-то большой съемочный павильон и попросили спеть какую-нибудь душевную афганскую песню, без проблем спел. А в 1991 году вышел фильм «Белая ворона», где в кадре звучала моя песня, как говаривал комбат третьего горно-стрелкового батальона: «Мелочь, а приятно».

Как ни спеть своими однополчанам. Джаббаль-Ус-Сиранж. Лето 1988 год.

И так, концерт, огромный зал гостиницы «Орлёнок», вмещающий то ли три, то ли пять тысяч зрителей, со мною на сцене легенды афганской песни И. Морозов, группы «Голубые береты», «Каскад», песнями которых я заслушивался, еще будучи курсантом. Фестиваль назывался « О чем поют солдаты. Песни, рожденные на земле Афганистана». Зал переполнен, первые ряды – космонавты, генералы, Герои Советского Союза и прочие. Волнение ужасное, пока идёт подготовка, вышел в холл гостиницы, такая гнусная мыслишка в голове, где бы выпить грамм 100 коньяку, нашел ресторан, захожу в лифт, там в парадной форме стоит майор, Герой Советского Союза, спрашивает меня:

Откуда, брат?

Из Панджшера, товарищ майор. Познакомились, если мне не изменяет память, этим майором был Солуянов, учившийся тогда в Военной Академии имени М. Фрунзе. Как водится выпили бутылку коньяку и спустились в холл, я пошел готовиться к выступлению, а он в зрительный зал.

Концерт вел известный исполнитель афганской песни, автор таких известных песен, как «Ордена не продаются» и других. К тому же выпускник нашего военного училища Юрий Слатов. Кстати Юрий дал мне свою гитару, и на фестивале я пел живьем. Коротко говоря, выступили все очень достойно, зал регулярно «взрывался» апплодисментами.

После фестиваля каждому участнику, кто прибыл из Афганистана, дали отпуск на родину, на пять суток, капитан из Политуправления Министерства Обороны вручил каждому проездные документы до места назначения. Вот какие были времена, и Родина заботилась о своих солдатах. Первый канал транслировал весь пятичасовой концерт.

Когда я прилетел «за речку», в родном полку все поздравляли меня от командира полка до бойцов с достойным выступлением, оказывается, многие смотрели этот пятичасовой музыкальный марафон.

Особенно приятно было то, что ни один «дембель» или «заменщик» не уезжали в Союз без кассеты с моими песнями. Как правило, они приходили в мою комнату, ставили 2 – 3 двухкассетных магнитофона, естественно самогона пару бутылок, для голоса и я пел свои песни, впоследствии они как мне рассказывали, звучали из киосков в Ленинграде и в Тбилиси, Москве и Владивостоке и т. д. Признаюсь, что приятно ощущать, что кроме военных навыков, ты ещё обладаешь определенным даром нести людям что- то душевное, что-то заставляющее думать, жить, мечтать с помощью песни. Песня на самом деле на любой войне заставляла, пробуждала звучать какие- то душевные струны!

Встреча через 20 лет: Группа «Голубые береты» С. Яровой, Ю. Слатов, на сибирской земле.

Глава 19. «Груз 200»

Безвозвратные потери-
Слово режущее слух
Словно птицы улетели,
Кто на Север, кто на Юг,
На Востоке солнце всходит,
А на Западе туман,
Безвозвратные потери нам
принес Афганистан…

Груз «200» – эта страшная фраза знакома не только каждому «афганцу», в те годы, наверное, большинство населения страны знала, что подразумевает под собой это режущее слух слово. Осенью 1988 года в чарикарской «зеленке», во время обстрела одной из застав нашего полка, погибает боец седьмой роты Денис Галкин, родом из Бийска. Командование ищет, кого отправить с «грузом 200» на родину погибшего солдата. Офицеры седьмой роты все в отказ, понимая, что предстоит самое страшное – встреча с родителями погибшего. А самое ужасное – это молчаливый материнский укорительный взгляд, говорящий «Я вам сына доверила, почему не сберегли?» И вот замполит полка узнав, что я из Новосибирска, мол, земляки с погибшим, убеждает меня отвезти тело в Бийск, при этом после похорон дает мне десять суток отпуска. Как бы ни было, но домой тянет до умопомрачения. Я соглашаюсь.

Буду краток. Из Баграма в Кабул. Здесь спецрейс, именуемый «черным тюльпаном», на борту несколько цинковых гробов, все запаяны, обшиты досками и опечатаны сургучной печатью. Какие-то цинки были без окошек, как правило, там лежали тела после подрыва на мине или фугасе.

Печально знаменитый «Черный тюльпан» доставил еще свой страшный «груз 200».

Пусть читатель не сочтет меня циником, но раз я решил писать честную книгу, то говоря по совести, кто после подрыва на фугасе экипажа БМП будет складывать оторванную руку Васильева с его же оторванной ногой или другими частями тела?

В Афганистане не было возможности проводить ДНК экспертизы, всё было до банальности просто: две руки, две ноги, голова (если таковое вообще удавалось собрать), «груз 200» готов и так далее.

Взлетели с кабульского аэродрома, познакомился со всеми сопровождающими, конечно, все далеко не трезвы, еще у каждого с собой. Пили на «борту», размышляя естественно о предстоящей встрече с родителями, родственниками погибшего.

Первая посадка – Тузель (военный аэродром города Ташкент), прибыли представители военкомата, сняли с «борта» сразу три «цинка». Следующая посадка – Свердловск, схема та же, сняли два «груза 200», после Омск, здесь забрали один «груз 200». Наконец «черный тюльпан» приземлился в Барнауле, раннее утро, встретил меня старый капитан, представитель Алтайского крайвоенкомата с солдатами. Бойцы перегрузили «цинк» в кузов ГАЗ-66, я с военкоматскими сел в УАЗ, и тронулись в путь до Бийска. Естественно по дороге выпивали, особенно я, для храбрости. Больше всего я боялся встречи с родителями

погибшего солдата. Чем ближе становился Бийск, тем чаще билось моё сердце.

Вот нужный дом «хрущевка», бойцы из военкомата поднимают гроб в квартиру. Глаза матери – немой укор в мой адрес.

Жестокая расправа над советскими военнопленными.

Рассказываю, как погиб их сын, что погиб в реальном бою недалеко от города Чарикар, что посмертно представлен к ордену

«Красной звезды». Еще, что-то говорю матери о войне, о сыне, слезы, материнские слезы, ничего подобного я в жизни не переживал, не видел. У меня состояние, даже не знаю, как его описать. Идем с отцом на кухню, пьём водку, поминаем сына, водка меня не берёт. Тут отец погибшего неожиданно предлагает мне прокатиться на его ВАЗ и даёт ключи. Я всё понял, взял ключи и вышел из квартиры. Понял, что они будут распаявать«цинк», чтобы удостовериться, что это их сын! Меня об этом предупреждали представитель военкомата, что, мол, это обычная практика для «груз 200» прибывающих из Афгана. Вышел на улицу, нашёл какое-то кафе, заказал водки, закуски, выпил, закурил. А у самого мысль одна, хоть бы так всё «ровно» было, чтобы точно был их сын. Хотя я знал, как он погиб, но всё равно на душе было как-то неспокойно, пасмурно, спиртное никак не лечило мою душу. Часа через три возвратился, в квартире множество родственников, друзей. Смотрю, печать естественно сорвана, доски соответственно сняты. Мать говорит: «Будем хоронить в нормальном гробу, по-христиански». Я ответил, что не против. Похороны завтра днем, военкомат все решил с местом для захоронения. Ночевал в военкомате. С утра мы уже были у родителей, опять поминали с отцом погибшего сына. Похороны, за гробом идёт народ, наверное, человек сто. Кладбище, священник, свежевырытая могила, залпы почетного караула. Всё это для меня проносится каким-то одним эпизодом. Похоронили. Прощаемся с родителями, родственниками. Приехали в военкомат, опять выпиваем, вечером представители Бийского военкомата меня посадили на поезд Бийск-Новосибирск. Пока был десять суток дома – никак не выходил из головы этот «груз 200», похороны этого молодого пацана, рука сама непроизвольно тянулась к стакану.

Я убит под чужою горой,

В Чарикаре – столице Парвана
И досрочно вернулся домой
На истрепанных крыльях «тюльпана».
Мне досрочно к чему? Лучше в срок,
Но судьба по-иному решила,
Только мама всё бредит – сынок!
Да сестренка взрослеть поспешила.
Убивать никого не хотел,
Я не выстрелил даже ни разу,
Но стрелок выбрал верный прицел
Между завтраком и намазом.
Я не помню, как каску ронял,
Помню только, что солнце в зените,
Помяните свечою меня
Не родного меня помяните.
Я молитв и сейчас не шепчу,
Я не жаловал божью обитель,
Всё равно вы поставьте свечу
И не верившего помяните.
Помяните во имя других,
Поминая слезу уроните,
Чтобы больше никто не погиб
Помяните меня, помяните…

Глава 20. Подготовка к выводу войск

Наша полковая жизнь била ключом, хотя в полку практически, кроме управления, штабных, роты связи и караула, никого не было. Все подразделения части были разбросаны по заставам в «зеленой» зоне Чарикара, Гульбахаре, Баграме. В полку бывали наездами, как правило, за письмами, да новостями о выводе, тогда весь наш ограниченный контингент, как его официально именовала наша советская пресса, жил только этим! Как я уже писал выше, любая война это испытательный полигон для новейших видов вооружений. Как-то выпало ночевать в родном полку. Смотрим в парке полностью закрытая тентом стоит что-то не наше, не полковое, старший машины – полковник. Кроме наших часовых вокруг затентованной машины свой караул из двух прапорщиков. И вот ночью слышим залпы в сторону Саланга. Часам к девяти утра этой машины уже не было, но кишлак Таджикан, в самом начале Саланга, каменный, чуть ли не сложенный из горных монолитов, горел около недели. Потом уже нам сказали, что это новая установка, огнемёт «Буратино». У меня не укладывалось вначале в голове, как это каменный кишлак может полыхать неделю.

Где-то с ноября 1988 года командование начало предпринимать более масштабные действия для осуществления вывода войск. Район Саланга, точнее всё в радиусе трёх километров от трассы, по которой будут уходить наши войска в Союз, подвергалось интенсивной бомбардировке. Собственно, всех жителей кишлаков заранее предупредили и попросили покинуть места проживания.

С замполитом полка Н.Н.Лукьяновым. Опять выдвигаемся из Джаббаля в Баграм. Осень 1988 года.

Всё это делалось для того, чтобы не допустить огневого воздействия на наши уходящие в Союз войска со стороны моджахедов. И главная цель, бесспорно, самая важная, не допустить потерь личного состава сороковой армии. Поэтому, находясь в расположении части в Джаббаль-Ус- Сиранже, мы привыкли к тому, что где-то в районе Саланга «ухают» раскатисто, по горному, наши авиабомбы. Из-за опасности быть сбитыми «Стингером», бомбометание производилось с высоты восьми тысяч метров, как правило ночью, для точности висели «осветительные» бомбы, как мы их называли «люстры».

И вот как-то выходим из офицерской столовой, идем к начальнику клуба посмотреть видео, зашли к нему в комнатку, только сели, закурили, вдруг страшный, неприятный гул, это так заходит самолет на бомбометание, через минуту мощный взрыв. В комнате, где мы сидели, упало всё, что могло упасть. Выскочили на улицу, кругом паника, слышны крики «тушите свет», тут поневоле испытаешь чувство страха, когда мы услышали опять гул, значит опять заходят на бомбометание. Спрятаться некуда. У всех вопрос: «Кто, что?». Кто-то кричит, что Пакистан бомбит. Бомба весом 500 килограмм упала прямо на центр боевого управления, благо, что он был оборудован под землею. Лишь когда рассвело, мы увидели последствия бомбардировки и узнали кто и что. Самое главное, что никто не погиб, лишь контузило часового у роты связи. Центр боевого

управления был разрушен процентов на 30, в месте падения бомбы ещё утром дымилась земля. В штабе полка были выбиты все стекла со всех сторон, видимо взрывная волна экранизировалась от ближайших гор и ударила по другой стороне штаба. Суть этого неприятного для нас всех эпизода – ошибка молодого лейтенанта- авианаводчика. Я помню, как командир полка материл его и всё порывался ударить. Думаю, что особой вины наших летчиков нет, представьте высота восемь тысяч метров, темно, хотя «люстры» висят, расстояние от полка до начала Саланга километра три насколько я помню. Во всём естественно виноват авианаводчик. Вот такие моменты свойственны любой войне, такое бывало и не раз в Великую Отечественную, такое случилось и у нас. Всё – таки человеческий фактор – штука очень серьёзная. От авиаудара больше всех пострадал начальник ГСМ части, он нёс трехлитровую банку спирта под бушлатом командиру полка и один из осколков авиабомбы, видимо уже на излёте, попал именно в банку с этим ценнейшим в Афгане продуктом.

Шел декабрь 1988 года, нас бросили на заставы на перевал Саланг, на усиление. Зима, снег, на перевале ужасные метели, очень скромные, почти убогие условия жизни на заставах Саланга. Мы, находясь там, практически не мылись, не было возможности и времени, потому, что уже начали двигаться в Союз по Салангу наши уходящие части. Надо отдать должное ребятам, что несли боевую службу на перевале, всё было четко организовано, всё было под контролем, не взирая на ужасающие погодные и бытовые условия!

И вот он, долгожданный новый 1989 год! Встречаю его на 45 заставе, близ кишлака Амирхейль во 2-ой роте нашего полка, на Саланге!

Глава 21. Новый 1989 год

И вот он, долгожданный новый 1989 год! Встречаем его на одной из застав на Саланге. Не помню уже что пили, кажется на этот раз был спирт, на перевале не вьюжило, стояла теплая ночь. Все выскочили на улицу и ровно в 24 часа, весь Саланг, весь Афганистан (с перевала было видно), где ещё находились наши части, подразделения, посты боевого охранения засверкал от «трассеров», были моменты, когда становилось светло, как днём! На лицах ребят была неподдельная радость, все обнимались, кричали, поздравляли друг друга. Оставалось полтора месяца до вывода советских войск из Афганистана. Признаюсь, что такого искреннего желанного Нового года, я не встречал ни «до», ни «после» Афганистана, как встречал его на перевале Саланг! Пришёл долгожданный 1989 год. Именно там, на перевале Саланг, родилась одна из моих песен, посвященная последнему Новому году в Афганистане.

С Новым годом, «бача»!
И дай Бог он последний в Афгане,
С Новым годом, «бача»!
И по кружкам разлит самогон
Я тоскую, «бача», по Сибири и маме
С Новым годом, «бача»!
Чтоб в Афгане последним был он!

Поднимаем мы тост за друзей уцелевших,
За разведку полка, ну а третий с тобой помолчим,
За друзей, что ни раз, в глаза смерти глядевших
И чтоб в Новом году, полк был Богом храним.

С Новым годом, «бача»!
И опять зазвучала гитара,
Без нее никуда на афганской войне,
Мы разведка, «бача», и прошли по Афгану немало
С Новым годом, «бача»! И здоровья, удачи тебе!

Глава 22. Домой!

Как обычно в нашей среде ходило множество слухов о выводе, как пойдем в Союз, колонной или «бортами» часть повезут? Всё решилось быстро и просто, по-армейски. В один из дней нас сняли с застав Саланга, на сутки заехали в Джаббаль, в родной полк, забрать вещи и потом колонной «пошли» на Баграмский аэродром. Мы все были грязные, пахнущие соляркой, потому что практически нормально помыться в течение месяца ни на Саланге, ни в Джаббале, возможности не было. Всё, прощай Афганистан!

13 февраля 1989 года, «борт» взлетел с баграмского аэродрома и взял курс на Термез. И вот в таком непрезентабельном виде мы прибыли. Нас на военном аэродроме встречали какие-то военные чины из штаба округа и Москвы. Вручали каждому часы «Полет» и пластинки афганских песен «Время выбрало нас» подарками от Министра обороны СССР. После этого привезли нас в какой-то палаточный городок, сказали, что здесь размещается наш полк. Не скажу, что Родина нас сильно ждала, в палатках земляной пол застелен досками, на кроватях постельное белье, печки «буржуйки», но нонсенс – дров нет. А на улице февраль месяц! Начали разбирать полы, топить печки, помыться так нигде и не смогли. Сказали, что наш полк расформирован, ждите получения всевозможных документов. Совместно с офицерами роты принимаем решение, пока здесь идет всевозможная возня с расформированием части, дней на пять улететь по домам. Так, как билеты в Термезе на самолёт до Ташкента взять просто нереально из-за массы прибывших на вывод войск людей. Мы решаем на одном из БТР нашей роты ехать в Душанбе. Как нам сказали, с билетами там нет проблем. Вещей у нас по чемодану, да плюс по двух кассетному магнитофону, мы же не прапорщики со всевозможных складов и не начальники служб снабжения. С трудом, но достали водки в дорогу. Не забывай, читатель, что это были безалкогольные горбачевские времена. Вечером прибыли в Душанбинский аэропорт, военных мало, какие-то альпинисты в зале ожидания поют бардовские песни, попросил гитару, спел несколько наших афганских песен, весь зал замер, а послушав начал аплодировать, но на просьбы «ещё, ещё спойте!», извиняемся и говорим, что билеты надо домой достать. В те времена именно достать! Думаем, где помыться, переодеться, короче в этих целях решили использовать мужской туалет аэропорта. Мылись под умывальниками, ухищрялись, как могли.

Снимали и тут же бросали в туалете х/б, белье, которое за время пребывания в Саланге из светло-синего превратилось в бельё цвета хаки. Через час мы приобрели подобающий советскому офицеру вид, я одел свой «парадный» камуфляж, на котором блестели орден «Красной звезды» и медаль «За отвагу». Когда мы покинули туалет и вышли в зал ожидания, все взоры были направлены на нас. Мы не без гордости пошли к кассам, решать вопрос с билетами. Короче говоря, за билет мне пришлось отдать женские часы «Seiko», которые я вез маме, но зато мой рейс на Новосибирск улетал через пару часов. Ребята нашей роты тоже удачно взяли билеты, но с разным временем вылета. Игорь Микула, мой командир взвода, улетал на Киев только утром, но настроение у всех нас было приподнятое, всё решили с билетами.

Соответственно, пошли в ресторан, в аэропорту, там, невзирая на горбачевские постановления, было всё и даже армянский коньяк! Конечно, мы плотно «нагрузились» в кабаке спиртным, но лицо офицера – «афганца» не теряли.

Объявили мой рейс, ребята пошли меня провожать.

Не верится – я в Союзе! Я лечу домой обычным, гражданским самолетом. Разве это не маленькое человеческое счастье? Наверное, Афганистан научил нас ценить многие вещи, которые казались нам в Союзе, вне войны, банальными!

Стюардесса предлагает вино, выпиваю бокал, благодарю. Хорошо на душе. Засыпаю. Будит голос командира воздушного судна: «Товарищи, наш самолет совершил посадку в аэропорту города Новосибирска, температура за бортом минус 25 градусов!». Что-то непонятное твориться со мной, я готов без трапа спрыгнуть с самолёта на родную сибирскую землю, эмоции переполняют меня, это вообще непередаваемо! В Новосибирске девять утра, суббота, значит мама дома! В «камуфляже», в наградах, не взирая на мороз, бегу к такси.

Куда, командир? – спрашивает сонный, но вмиг сбросивший с себя сон, таксист.

Юго-Западный – отвечаю я и падаю в теплое такси.

Мелькает за окном машины родной утренний в морозной дымке Новосибирск. Вот, наконец, родная окраина, жилмассив, дом, открываю дверь подъезда, «взлетаю» на третий этаж, долго звоню в дверь. Мама открывает дверь, слёзы радости: «А я сегодня сон видела, что тебя в гробу привезли, рыдала во сне ужасно, в народе говорят, что сон вещий, значит живой приедешь..» Объятия, поцелуи, какая женщина может так ждать и верить – только МАТЬ! Я внимательно рассматриваю маму, спрашиваю: «Что с цветом волос, покрасилась что ли?». «Я ТЕБЯ ЖДАЛА,

СЫН!» – после этих слов я понял, что моя сорока четырехлетняя мама просто поседела, ожидая с войны своего единственного сына! Я обнял её и зарыдал… Вот так закончился мой Афган, моя война.

Афганистан, как много в этом слове,
Хоть четверть века с той войны прошло,
Кто был в Газни, Кабуле, кто в Шахжое,
Кому домой прийти не суждено.

Афганистан, как много в этом слове,
Кто там бывал – немало пережил,
А сколько материнских слез и вдовьих?
Он жизнь на до и после разделил.

Афганистан, как много в этом слове,
Частица наших душ осталась там,
Неважно где, в Сибири иль Ростове,
Уж четверть века наш пароль – «Афган».

Афганистан! Слегка кольнет у сердца,
Связала нас невидимая нить,
Нам четверть века, никуда не деться,
Афгана, нам с тобой не позабыть!

Эпилог

Кто-то из известных людей сказал про ветеранов Великой Отечественной войны: «У каждого свой Сталинград», перефразируя эту крылатую фразу в соответствии с моим повествованием, я сказал бы: «У каждого из нас свой Афган!».

Я хотел этой книгой, по прошествии двадцати пяти лет, рассказать о том времени, о той войне, наших нелегких буднях без прекрас. Ведь мы живем, потому что помним!

Уйдем мы, это обычный жизненный процесс, но поколения, идущие за нами, невзирая на то, как сегодня измываются над историей нашей страны, должны знать и помнить, что была такая десятилетняя, «необъявленная» война!

ПАМЯТИ ПАВШИХ,
ВО ИМЯ ЖИВЫХ,
РАДИ ПРАВДЫ!

Первая фотография в Союзе. Февраль 1989 года.

Заключение

Безвозвратные людские потери (убитые, умершие от ран и болезней, погибшие в катастрофах, в результате происшествий, несчастных случаев) – 14453 человека.

Пропали без вести и попали в плен – 417 человек, 119 из них были освобождены: 97 – вернулись домой, 220 – живут в других странах.

11654 человека уволены по состоянию здоровья, 10751 из них стали инвалидами.

Потери техники и вооружения: самолетов и вертолетов – 451, танков, БМП, БМД, БТР – 1461, орудий и минометов – 433, автомобилей бортовых, спец. машин и бензовозов – 13017.

29 ноября 2010 года в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» внесен пункт: «15 февраля – День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества».

Долина р. Панджшер.